

Нати Смольникова

НОЖ В СПИНУ

Нати Смольникова

Нож В Спину

<https://litres.ru/74578803>

Аннотация

Книга обладательница буктрейлера ♥#

Археолог и случайная хранительница секрета древнего кургана, познала всю горечь предательства мужа, когда в летней научной экспедиции обнаружила древнюю тайну. С трудом выжившая, она вновь оказывается на перепутье судьбы, а случайная встреча с незнакомцами, вырвавшими ее из лап смерти, перерастает в противостояние. Все случившееся ставит ее под прицел тех, кто готов на всё ради наживы — дельцов криминального мира, занимающихся торговлей древними артефактами.

Мой дорогой Читатель, окунитесь в мир этой истории. Не забудьте зажечь звезду и одарить книгу своим "Нравится" !♥#

В книге: ОПАСНЫЕ МУЖЧИНЫ, ОСТРЫЕ ЧУВСТВА, ЛЮБОВЬ НА РАЗРЫВ и женщина, которой приходится стать сильной ради общего ребенка.

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	13
ГЛАВА 3	20
ГЛАВА 4	33
ГЛАВА 5	39
ГЛАВА 6	47
ГЛАВА 7	57
ГЛАВА 8	64
ГЛАВА 9	74
ГЛАВА 10	85
ГЛАВА 11	97
ГЛАВА 12	107
ГЛАВА 13	118
ГЛАВА 14	126
ГЛАВА 15	135
ГЛАВА 16	142
ГЛАВА 17	151
ГЛАВА 18	158
ГЛАВА 19	168
ГЛАВА 20	173
Конец ознакомительного фрагмента.	174

ГЛАВА 1

В университете снова намечалась командировка на нелепые и незначительные раскопки в Крыму. Единственным, кто проявил смекалку, оказался профессор, который, не раздумывая, свинтил на больничный. Значит, мне, как заместителю, придется тащиться с молодыми студентами на эту практику.

Лежа в постели, я жалела себя. Две недели будут выброшены впустую. Моя научная работа, находящаяся на финишной прямой, могла бы с легкостью быть представленной научному сообществу. А теперь мне предстоит тратить время на амбициозных и максималистично настроенных обитателей четвертого курса по археологии.

За окном медленно покатывались облака, и дождь, казалось, предвещал тоску всей предстоящей поездки. Я уже представляла, как буду стоять рядом с бездумными расшифровками, пытаюсь объяснить, почему древние орудия труда стоят на одном уровне с темными местами в моем научном проекте. Студенты, с горящими глазами и неумным желанием, погружаясь в историю должны были понимать, что наука — это не только романтика, но и тяжелый, порой безысходный труд.

С каждым годом мои терзания усиливались: как подготовить группу к реконструкции давно забытых эпох, если са-

ми студенты мечтали лишь о громких публикациях и славе? Я приняла решение организовать занятия, чтобы научить их основам, прежде чем мы отправимся на раскопки. Возможно, им будет полезно понять, что наибольшую ценность представляют не только находки, но и методология работы с ними.

Но стоило лишь представить себе бесконечные дни на солнцепёке с открытыми книгами и вынужденными обсуждениями, как меня охватывало уныние.

Иногда мне казалось, что настоящие археологи не существуют на свете, а лишь обитают в сериалах с дерзкими молодыми актерами на фоне захватывающих декораций. Как же я могла конкурировать с их идеализированными образами?

В конце концов, я решила взять ситуацию под контроль. Соберу стажёров и проведу интенсивный курс по обработке находок, представлю им не только теоретическую базу, но и практические задачи. Когда они осознают, что будут представлять свою работу на настоящих конференциях, в их глазах загорятся искорки, которые дадут мне личное время. В какой-то момент я поняла, что, возможно, эта командировка и не так бесполезна, как мне показалось на первый взгляд.

– Милая, я ушел, – произнес Стас, оставив легкий дежурный поцелуй на моей щеке.

– Хорошо, я тоже собираюсь вставать, – ответила я, провожая глазами его удаляющуюся спину.

Быт, как настойчивый вредитель, разъедал наши отноше-

ния, когда-то искрящиеся безудержной страстью. То ли его успешный бизнес тянул за собой этот груз, то ли моя постоянная занятость, но в воздухе нашей элитной квартиры витало что-то потерянное, незримая тень былого счастья.

Я с грустью вздохнула и мельком взглянула в зеркало, где отражались усталые глаза. Было ли это всего лишь утомление от бесконечных встреч и постоянной работы? Или привычная рутина превратила нас в два корабля, проплывающих мимо друг друга в безбрежном море серых будней? Я пыталась вспомнить, когда в последний раз мы смеялись вместе, когда беззаботно кувыркались на диване и строили смелые планы на выходные.

На кухне тихо закипала вода для кофе. Утренний свет пробивался сквозь белую тюль, наполняя пространство теплым сиянием, но отсутствие его голоса, его смеха резало по сердцу. «Что с нами случилось?» – задумалась я, заглядывая в чашку с осадком кофе, будто надеясь найти в ней ответ.

После завтрака я отправилась в университет, объятая тягостными мыслями. Вокруг шумели люди, спешащие по своим делам, и это напоминало мне о том, как мы когда-то тоже стремились к чему-то большему. Я вспомнила о наших мечтах — о путешествиях, о новых культурах и открытиях, которые ждали нас по окончании университетских лет.

Проходя мимо уютных кафе, где пары смеялись друг с другом, я почувствовала, как внутри что-то шевельнулось. Может быть, стоит поговорить со Стасом? Найти время, что-

бы уделить внимание тем чувствам, которые ушли в тень под гнетом повседневности. В конце концов, любовь – это не только страсть, но и способность проявлять заботу друг о друге, даже когда всё становится привычным.

Университет жил своей бурной жизнью. Проведя занятия и дав конечные указания о практике, я отправилась оформлять необходимые документы. Завершила все лишь к вечеру, и, уставшая, принялась собирать вещи для поездки. Внезапный звук мобильного телефона ворвался в мои мысли.

– Дорогая, я вынужден уехать в Питер по делам. Вернусь послезавтра, – объявил Стас в трубку.

– Так я с утра уезжаю с группой на практику, – попыталась возразить ему. – Ты забыл?

– Нет, конечно, не забыл. Но это же не в первый раз. Дела, сама понимаешь, – оправдываясь произнес Стас.

– Ну хорошо, – смирившись с обстоятельствами, ответила ему, уже слушая прощальные гудки телефона.

В первую минуту после завершения разговора меня охватила досада. Стас снова ставил свои дела выше нашей совместной жизни. Я попыталась уговорить себя, что это только временные трудности, но в глубине души возникало ощущение, что мы теряем друг друга. Со временем мне все чаще приходило в голову, что, возможно, именно эта командировка спасет наш брак. Мы сможем наконец отдохнуть от привычного ритма, поразмышлять о том, что было прежде.

На следующий день, собравшись с группой студентов на

сборы, я старалась сосредоточиться на предстоящей практике. Мы уверенно разместились в поезде, который должен был отвезти нас на раскопки.

Внутри я чувствовала, как тревога и ожидание переплетаются, создавая некий коктейль эмоций. Студенты, смеясь и шутя, не догадывались о том, что для меня эти две недели могут стать чем-то большим, чем просто тратой времени.

– Видимо, вам очень скучно, – произнес незнакомец, застигнув меня стоящую у окна в проходе купейного вагона.

– Нет. Я просто люблюсь красотой нашей страны, – с улыбкой ответила я.

– Предлагаю познакомиться ближе. Меня зовут... – уверенно начал он.

– Не стоит. Я не заинтересована в случайных знакомствах, – резко отсекла я, не желая привлекать его внимание.

Он обвел меня пристальным взглядом, но не уходил, замер. Взгляд его был настойчивым, почти требовательным, как будто я представляла собой загадку, которую он был готов разгадать. Я отвела взгляд в окно, пытаюсь сосредоточиться на мирно проплывающих мимо пейзажах: поля, леса, небольшие деревушки, оживленные и яркие по своим летним оттенкам.

На мгновение мне показалось, что скорость поезда может унести меня далеко от этой случайной встречи, но я знала, что на самом деле она только ускоряет пульсацию всех тех эмоций, которыми я была одержима.

– Почему вы так уверены, что не хотите познакомиться? – прозвучало вкрадчиво, но с нестигаемой настойчивостью, пока он непринужденно опирался на стену. В голосе чувствовалась уверенность, переплетенная с легкой, дразнящей игривостью. – Мир полон интересных людей, и вы – одна из жемчужин. Редко встретишь такую красоту, затененную ужасающей грустью в глазах. Но, знаете, даже это вам к лицу.

Я выдохнула, чувствуя, как силы покидают меня, а вместе с ними и желание продолжать этот бессмысленный диалог. Но что-то в его непоколебимой решимости заставило дрогнуть, усомниться в собственной неприступности. Возможно, мне просто не хватало живого общения, хотя разум твердил о необходимости сосредоточиться на предстоящих раскопках, а не тратить время на пустые разговоры с незнакомцем.

– Какие у вас планы в Крыму? – не унимался он, словно не замечая исходящего от меня холода.

– Первобытные поселения, артефакты, пыль веков и погребенные тайны. Одним словом, археологические раскопки, – проронила я с нарочительной скукой, надеясь поскорее завершить этот разговор.

Но, несмотря на раздражение от его настойчивости, во мне шевельнулось что-то, похожее на любопытство. Передо мной стоял молодой мужчина, чья мужская красота была неоспорима. После ледяного безразличия Стаса, его внимание даже льстило, пробуждая давно забытое ощущение собственной привлекательности. Неужели я настолько погрязла

в работе и семейных заботах, что забыла, когда в последний раз чувствовала себя желанной женщиной? А ведь мне еще нет и тридцати...

Я не успела опомниться, как почувствовала, что пузыри рутины медленно лопаются, уступая место живому интересу. Осознание забытого мужского внимания напомнило мне, как это когда-то делал Стас ухаживая за мной.

– Вы говорите о древностях, а как насчет настоящего? – вновь вмешался незнакомец, его голос стал чуть менее настойчивым, но тем не менее полным интереса. – Предлагаю совместный ужин.

Его вопрос заставил меня задуматься. Я могла бы сказать, что жажду общения, любви, чтобы снова ощутить себя живой. Но слова застряли в горле, и вместо них из глубины души вырвалось нечто иное:

– Я замужем, – наконец призналась я, осознавая, что это не просто разговор с незнакомцем, а открытие новой стороны себя. – И ценю в людях верность, поэтому ужин наедине с мужчиной, если это не мой муж, считаю неприемлемым.

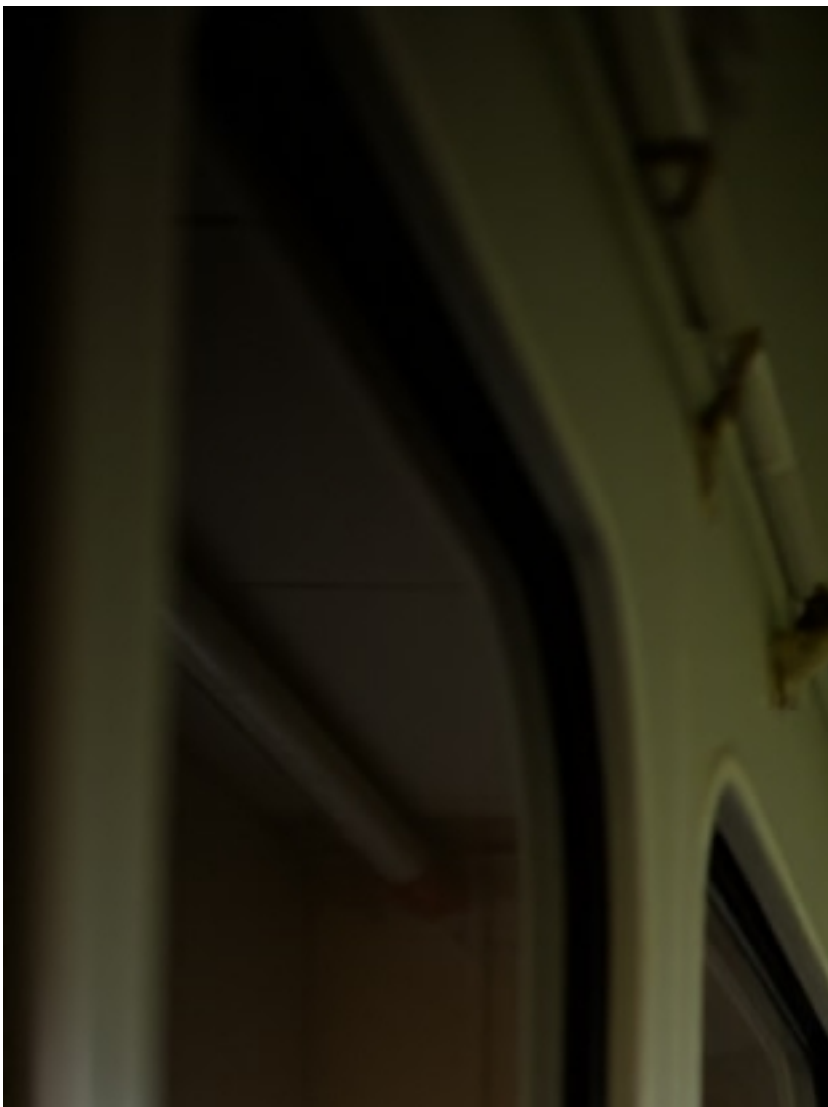
– Вы на редкость прямолинейны, для женщины. Но я понял, – подхватил он, наполняя паузу своей уверенной интонацией. – Вам нужно задуматься, зачем такой муж, если глаза женщины не горят счастьем.

– Возможно, моя грусть связана именно с разлукой?! Об этом вы не подумали? – укоризненно спросила я.

– Простите меня за излишнюю дерзость, – спокойно отве-

тил он, отводя взгляд. – Пожалуй, я пойду.

Я смотрела ему в след, и, возможно, для него это были всего лишь слова, но они открыли мне неприятную правду – счастья в моей жизни больше не было, о чем говорили даже глаза. Тень совести мягко напомнила о Стасе и о привязанностях, оставляя полное понимание, что по приезду домой я хочу серьезно поговорить с мужем о нас.

ГЛАВА 2

Первые дни начались с лекций по месту и обсуждений. Я заметила, как студенты, переживают своеобразный шок от сложной информации, но постепенно включаются в процесс. Их вопросы становились все более острыми, а в глазах начала появляться искра любопытства. Я не могла не улыбнуться про себя, ловя момент, когда их увлеченность усилилась, а скука отступила.

Летний походный лагерь, организованный на раскопках, был удивительно уютным. Вечерами под безмятежным звездным небом я беседовала со студентами о наших идеалах археологии, делясь тем, что для меня наука – не просто работа, а целая жизнь. Расходясь по своим спальным местам, я успела порекомендовать каждому хорошо обдумать, прежде чем связывать свою судьбу с практической частью археологии.

Когда все разошлись и уснули, я решила прогуляться в теплую тишину летней ночи и обдумать, что именно я смогу сказать своему мужу. Тишина вокруг позволила мне осознать, насколько важно искать гармонию не только в профессии, но и в личной жизни, несмотря на все трудности. Я шагала медленно, погруженная в глубокие размышления, когда неожиданно услышала за спиной странные, едва уловимые шаги.

– Кто здесь? – спросила я, пристально вглядываясь в темноту.

– Это я, Софья Александровна, – раздался в густой ночи голос Леонида.

– А что ты здесь делаешь? – недоуменно спросила я у студента.

– Слежу за тобой, чтобы никто не обидел, – твердо ответил парень, уверенно сделав шаг вперед. – Я видел того мужика в поезде, который пытался познакомиться. Бесит такая наглость.

– Леонид, а почему ты перешел со мной на «ты»? – удивленно спросила я, совершенно не понимая его наглости.

– А ты сама как думаешь? – дерзко отозвался он и возник передо мной.

Внезапно он схватил меня и нагло обнял крепкими стальными мужскими руками, одной из которых аккуратно потянул за волосы назад, закидывая мою голову вверх и впечатываясь в губы требовательным, жадным, бесстыдным поцелуем.

Я замерла от неожиданности, тело сковало оцепенение. Неужели это происходит со мной? Студент дерзко нарушает мои личные границы! После замешательства попыталась оттолкнуть его, но он лишь крепче сжал меня в объятиях, продолжая целовать с дикой страстью. В его поцелуе чувствовалась обида, отчаяние и безграничная любовь. Я была в шоке от такой откровенной признательности, но больше всего

меня пугала его напористость.

– Моя, – прошептал он, обжигая своим дыханием мое лицо. – Навсегда моя!

– Ты сошел с ума? Я старше тебя на шесть лет, и я... заведем! – выплюнула я, отчаянно пытаюсь высвободиться из его хватки. Мои ладони уперлись в непробиваемую стену его груди, но он казался непоколебимым.

– Не напугала, – усмехнулся он с самоуверенностью, достойной зрелого мужчины, привыкшего ломать преграды. Его потемневший взгляд обещал бурю. – Он тебя не достоин.

Меня захлестнула паника. Я начала отчаянно вырываться, чувствуя, как его объятия становятся не просто крепче – они сжимают меня стальными тисками. Его руки, наглые и требовательные, скользили по моему телу, стремясь сорвать одежду, а хватка оставалась неумолимой.

Я попала в ловушку, состоящую из страсти и безумия сильного мужского тела. Опытные руки парня, словно играя на скрипке, разжигали во мне пламя страсти и одновременно рождали леденящий страх. Каждое прикосновение было откровением, и мое тело, предательски дрогнуло, откликнулось на настойчивое томление, ощутив твердую, почти каменную мужскую плоть, властно прильнувшую к моему животу.

– Отпусти меня. Я закричу. Это невыносимо, – прошипела я, стараясь не разбудить задремавший лагерь.

– А как мыслимо? Годами я смотрел на тебя, неприступ-

ную, красивую, любимую! Но теперь ты моя, слышишь? – прошептал он, накрывая мои губы обжигающими, короткими, захватническими поцелуями. – Ты моя женщина! Пони-маешь это?!

Не медля ни секунды, я обрушила всю тяжесть своего тела на его ногу и оттолкнула с такой силой, что он, потеряв равновесие, едва устоял на ногах. Вырвавшись из стальной хватки его объятий, я отпрянула назад, жадно глотая воздух, словно после долгого ныряния в воду.

– Леонид, что ты себе позволяешь? Ты студент, а я твой преподаватель! Это неприемлемо, – выпалила я в гневе, пытаясь вернуть себе самообладание. Лунный свет выхватывал его взволнованное лицо, на котором застыло выражение легкой злости и вместе с тем – безумной решимости.

– Прости, Софья, я не знаю что на меня нашло. Я просто... я люблю тебя. Давно люблю, и не могу видеть других мужчин рядом с тобой, – прошептал он, опустив голову.

Слова эти прозвучали как приговор, заставив меня содрогнуться. Я почувствовала жалость к нему, но понимала, что подобные проявления чувств недопустимы. Нужно было пресечь это в корне, пока ситуация не вышла из-под контроля.

– Леонид, я ценю твои чувства, но они не могут быть взаимными. Я замужем, и между нами не может быть ничего, кроме рабочих отношений. Пожалуйста, забудь об этом инциденте и сосредоточься на учебе. Если это повторится, я

буду вынуждена сообщить о случившемся, – строго произнесла я, стараясь говорить как можно тверже и убедительнее.

Развернувшись, я опрометью бросилась прочь, не разбирая дороги, и почувствовала, как предательски дрожат коленки. Ночь выдалась сумбурной, тревожной, и теперь требовала тишины и осмысления. Единственным спасением виделось бегство, отстранение, забвение – выжечь, испепелить все воспоминания о произошедшем.

Я неслась сломя голову, пока бег не прервался у подножия невысокого холма, словно выросшего из ниоткуда посреди этой безумной гонки. Волна эмоций схлынула, оставив привкус горечи и пепла. Чтобы унять свою дрожь, я поднялась на вершину.

Серебристый свет луны укрывал раскинувшийся вдалеке лагерь. Умиротворяющая панорама резко контрастировала с бушующим ураганом внутри меня. Отсюда, с высоты, как на ладони, было видно место нашей стоянки, и я заметила, что Леонид вернулся в лагерь.

Опустилась на мягкий ковер изумрудной травы, ощущая ее прохладное дыхание на своей коже. Закрыла глаза, тщетно пытаясь изгнать навязчивые образы, но в голове, как раскаленное клеймо, вновь и вновь всплывала боль обжигающих прикосновений, дерзких слов, мужского взгляда, потемневшего от невысказанных желаний. Как он мог? Неужели я была так слепа, что не замечала его чувств раньше? Или просто боялась признать саму возможность такого? Шесть

лет разницы, мой брак... казалось, это непреодолимые стены. Но, видимо, не для Леонида. Он вел себя как опытный, взрослый мужчина.

В сознании возник образ мужа, его спокойное, красивое, уверенное лицо — знакомое и любимое еще со студенческой скамьи. Мы всегда были вместе, начиная с выпускного вечера в школе. Долгая дружба, робкие прикосновения, он стал моим первым мужчиной. И как же несправедливо по отношению к нему все это, что сейчас творится. Я обязана рассказать ему правду, но как найти нужные слова? Какую бурю чувств вызовет мое признание в сердце любимого человека? Страх? Гнев? Обиду?

Поднявшись на ноги, я взглянула в бездонное темное небо, усыпанное россыпью звезд. В этот миг мне отчаянно захотелось ощутить привычное тепло его объятий, услышать его мудрый, успокаивающий совет, найти спасение в его присутствии.

Я должна вернуться к нему, возвести мост над пропастью, внезапно образовавшейся между нами, и продолжить строить нашу совместную жизнь. Решение созрело окончательно. Уже завтра я уеду, чтобы встретиться с ним и открыть всю правду. Резко развернувшись, чтобы вернуться в лагерь, я почувствовала, как земля уходит из-под ног, и полетела в бездну.

the 1990s, the number of people in the world who are under 15 years of age is expected to increase from 1.1 billion to 1.5 billion.

As the world's population grows, the demand for food and other resources will increase. This will put pressure on the environment and on the world's food supply. It is important that we find ways to meet this demand without harming the environment or the world's food supply.

One way to do this is to use sustainable agriculture. Sustainable agriculture is a way of farming that uses natural resources in a way that will not harm them. It uses techniques that will not deplete the soil or the water, and it uses resources that are renewable.

Another way to do this is to use sustainable forestry. Sustainable forestry is a way of managing forests that will not harm the forest. It uses techniques that will not clear-cut the forest, and it uses resources that are renewable.

There are many other ways to do this, and it is important that we find ways to meet the world's growing demand for food and other resources without harming the environment or the world's food supply.

One of the most important things we can do is to use sustainable agriculture and sustainable forestry. These are ways of farming and managing forests that will not harm the environment or the world's food supply.

It is important that we find ways to meet the world's growing demand for food and other resources without harming the environment or the world's food supply. This is a challenge, but it is one that we must meet.

One way to do this is to use sustainable agriculture and sustainable forestry. These are ways of farming and managing forests that will not harm the environment or the world's food supply.

It is important that we find ways to meet the world's growing demand for food and other resources without harming the environment or the world's food supply. This is a challenge, but it is one that we must meet.

Another way to do this is to use sustainable forestry. Sustainable forestry is a way of managing forests that will not harm the forest. It uses techniques that will not clear-cut the forest, and it uses resources that are renewable.

There are many other ways to do this, and it is important that we find ways to meet the world's growing demand for food and other resources without harming the environment or the world's food supply.

One of the most important things we can do is to use sustainable agriculture and sustainable forestry. These are ways of farming and managing forests that will not harm the environment or the world's food supply.

It is important that we find ways to meet the world's growing demand for food and other resources without harming the environment or the world's food supply. This is a challenge, but it is one that we must meet.

One way to do this is to use sustainable agriculture and sustainable forestry. These are ways of farming and managing forests that will not harm the environment or the world's food supply.

It is important that we find ways to meet the world's growing demand for food and other resources without harming the environment or the world's food supply. This is a challenge, but it is one that we must meet.

One way to do this is to use sustainable agriculture and sustainable forestry. These are ways of farming and managing forests that will not harm the environment or the world's food supply.

It is important that we find ways to meet the world's growing demand for food and other resources without harming the environment or the world's food supply. This is a challenge, but it is one that we must meet.

One way to do this is to use sustainable agriculture and sustainable forestry. These are ways of farming and managing forests that will not harm the environment or the world's food supply.

ГЛАВА 3

Мой, в принципе, недолгий «полет» сопровождался отчаянными, почти автоматическими попытками зацепиться за корни, намертво вросшие в каменную кладку, за шершавые выступы, что, словно милосердные руки, замедляли мое падение, разбивая его на отдельные, болезненные акты спасения.

Приземление оказалось чудовищно жестким. Мои сдвинутые, согнутые колени, с хрустом вонзились во что-то обманчиво податливое. В нос ударил густой, удушающий запах сырой земли и тлена, приправленный волнующим ароматом древности, от которого сладко замерло мое сердце.

Места ударов, щедро рассыпанные по моему телу, саднили, напоминая о цене неудачного приземления. Дрожащими пальцами нашарила в кармане походных штанов мобильник, и луч фонарика, пронзил затхлую тьму, выхватил из мрака древние каменные стены мавзолея.

На полу, как стражи забвения, покоились две массивные надгробные плиты из белого камня, аристократично возвышаясь над гробницами. Издалека было видно, что их поверхность густо покрывали выбитые символы, в которых угадывались стилизованные изображения, отсылающие меня к эпохе позднескифского царства.

Мое сердце бешено заколотилось в груди, но любопытство

профессионала, алчное и неутолимое, победило страх. Осторожно поднявшись, я стряхнула с себя налипшую землю и приблизилась к надгробным плитам, натягивая шарф с шеи на рот, возводя барьер между собой и дыханием смерти.

Камень отозвался ледяным, шершавым прикосновением. На крышках зияли глубокие высеченные надписи, из которых я узнала, что это место последнего упокоения правителя и, к моему глубочайшему изумлению, его жены. Невероятная редкость для эпохи, где понятие «наложница» правило повсеместно. К счастью, мои знания древнего языка и глубокое погружение в этот исторический период давали мне ключ к пониманию.

– Видимо, ты был настоящим мужчиной, если отважился признать эту женщину равной себе и открыто назвал ее единственной любимой женой, – прошептала я, с грустью смотря на надгробные плиты пары.

Помимо надгробий, в древнем мавзолее теснились многочисленные глиняные сосуды, набитые серебром и золотом, украшениями, бесчисленные тюки с истлевшей тканью, на которые и пришлось мое приземление.

На полу валялись многочисленные кости – безмолвные свидетели прошлого, останки слуг, лошадей, разделивших участь своих господ. Атмосфера была пропитана тяжелым, осязаемым ощущением древности, щекочущим нервы и будоражащим мое воображение.

– Этого просто не может быть, – прошептала я, отказыва-

ясь верить своим глазам. – Почему именно я должна была провалиться туда, откуда выбраться невозможно?! Помогите! – отчаянный крик сорвался с губ, устремляясь в узкое отверстие, затянутое густой травой, находящееся высоко над мной.

От поверхности меня отделяли бесконечные метры. Связи не было, о чем весьма категорично сообщил мой мобильник. Внимательно осмотрев место своего падения, я начала замедленную видеосъемку на телефон и внезапно обнаружила темный, зияющий проход.

– Туннель?! Невероятно... Холм – это гробница. Но такое возводят лишь с умыслом и подготовкой. Кажется, это нечто технологичное, как-то связанное с колебаниями Земли, – бормотала я, обращаясь к самой себе в лихорадке страха и озарения, что нужно срочно искать какой-то выход из этой ситуации.

Оставив безнадежные попытки достучаться до внешнего мира, я обуздала свою дрожь и сосредоточилась на проходе. Он манил обещанием неизведанного, но и пугал дыханием опасности. Медленно, крадучись, ощупывая каждый выступ, я погружалась в его утробу. Луч фонарика выхватывал из мрака стены, покрытые причудливой вязью узоров. Это были не строгие, знакомые мне скифские орнаменты. Линии плавно струились, и намекали на неведомые верования.

Проход уходил вбок, угол наклона становился все круче. Влажный воздух давил на грудь, с каждым шагом дышать

было все труднее. Вдруг мои пальцы нащупали гладкую, холодную поверхность. Тут же я осветила это место фонариком. Передо мной была дверь! Деревянная, массивная, на века запечатанная. Но откуда взяться двери в древней гробнице? Сердце бешено заколотилось в предвкушении значимого открытия, но ледяная хватка страха сковала мои движения.

Собрав остатки воли в кулак, я приложила все силы, чтобы сдвинуть ее с места. Пропитанное веками сырости дерево поддалось с тихим, почти жалобным скрежетом, будто оплакивая свое заточение.

За дверью находилась еще одна комната, залитая слабым, зеленоватым светом. Источником сияния был странный, огромный кристалл, покоящийся на постаменте в самом центре. Он пульсировал, как живое сердце, и от него исходила осязаемая волновая энергия.

В голове вспыхнули обрывки знаний ушедшей эпохи, легенды о древних артефактах, но ничего похожего я не могла припомнить. Забыв об осторожности, как загипнотизированная, я двинулась к кристаллу. Рука потянулась к нему, и в этот самый миг раздался приглушенный звук, похожий на щелчок замка, срывающегося с векового запора. Земля задрожала, и со стен с грохотом посыпались земля и каменные осколки.

– Это не просто древняя гробница, – прошептала я, отступая от кристалла. – Это нечто большее и... живое!

Стоило мне отступить, как дрожь земли стихла, оставив

меня наедине с ледяным ужасом, сковавшим каждую клеточку моего тела. Инстинкт, вопя о самосохранении, приказывал бежать, но ноги вросли в землю.

Кристалл, будто заметив мой страх, взорвался пульсирующим сиянием, излучая волны зеленоватого света. Легкое покалывание пронзило кончики моих пальцев, и тут же по телу разлилась волна обжигающего тепла.

В голове мгновенно вспыхнул калейдоскоп образов – вихрь незнакомых мне мест, лиц, событий прошлого. Я увидела удивительной красоты девушку в одеждах, сотканных из чистого света, окруженную толпой, преклоняющейся перед ней в благоговейном молчании. В воздухе звенело эхо голосов: «Великая дочь небес!». И тут же видения сменились, обратившись в кошмар: бесконечные войны, опаленные земли, руины городов. А в финале – отчаянная попытка спрятать кристалл, эту непостижимую силу, от алчных рук, тянущихся к нему.

Видения исчезли, как дымка, оставив меня в полном оцепенении. Теперь я знала – этот кристалл не просто артефакт. В нем заключено нечто неизмеримо большее.

– Либо у меня глюки от недостатка кислорода, либо мне конец, если я не найду выход, – едва двигая губами, прошептала я кристаллу.

Осознание этого навалилось на меня, как каменная плита. Нужно выбирать. Прямо сейчас. Пока кристалл не решил, что я – очередная алчная рука, по ошибке забредшая в его

обитель. Развернувшись, я бросилась обратно к деревянной двери, проклиная собственное любопытство и жажду открытий. Каждое движение отдавалось болью в ушибленных коленях, но сейчас это казалось ничтожной платой за шанс выбраться из каменного плена.

Вновь протиснувшись в узкую щель, я ощутила, как сырая могильная прохлада сменилась чуть более сухим, затхлым воздухом, а гнетущая тяжесть немного отступила. С каждым шагом, приближающим меня к сердцу склепа, надежда во мне разгоралась тихим пламенем. Но стоило мне выбраться в просторный мавзолей, как я замерла, словно громом пораженная. Надгробные плиты, доселе безмолвно покоившиеся в пыли веков, теперь зловеще вибрировали, а высеченные на них письма пульсировали призрачным белым светом.

Ледяной ужас сковал меня цепями, парализовал волю. Инстинкт вопил о бегстве, но ноги снова врастали в проклятый камень. Что-то менялось. Что-то необратимое. И я, невольный свидетель этого, стояла в самом эпицентре зловещего действа. В голове раздался неведомый тихий шепот:

– Капля крови...

Каменные плиты задрожали сильнее, грозя расколоться. В моем сознании зазвучали отрывистые фразы на языке чуждом мне, но я их почему-то понимала. Рука сама потянулась к одному из клинков, валяющихся у ног. Лезвие, как живое, холодно обожгло ладонь, интуитивно вызывая к действию, требуя крови. Я смотрела на металл как заморожен-

ная, не в силах постичь происходящее. Шепот в голове не унимался, нарастая: «Капля крови...». Инстинкт самосохранения был подавлен чужой, потусторонней волей, управляющей моим телом. Рука поднялась, острое клинка коснулось кожи на пальце.

Острая боль пронзила меня, но я не издала ни звука. Капля крови, алая и горячая, упала на ближайшую надгробную плиту, на которой слабо мерцали знаки: «Небесная». Символы, выбитые на камне, вспыхнули ярче, запульсировали в унисон с моим сердцем, словно откликались на зов.

Вибрация в мавзолее усилилась многократно, превратившись в оглушительный, невыносимый гул. Казалось, сама земля содрогается в предсмертной агонии. И внезапно все стихло. В моей голове возникла детальная карта, объемно представляющая внутренности холма, каждый его отсек и, главное, – выход на поверхность. Вместе с этим тихий шепот прозвучал триумфально: «Свободна».

Оцепенение схлынуло моментально, уступив место холодному, расчетливому анализу. В голове четко сформировался маршрут, обходя ловушки, смертельные завалы, скрытые под землей. Клинок выпал из моей ослабевшей руки, звякнув о каменный пол.

Я бросилась бежать по указанному пути, мысленно благодаря неведомую силу, дарующую мне эту карту спасения. Туннели сплетались, расходились, устремлялись то вверх, то вниз, напоминая запутанную кровеносную систему гигант-

ского каменного организма.

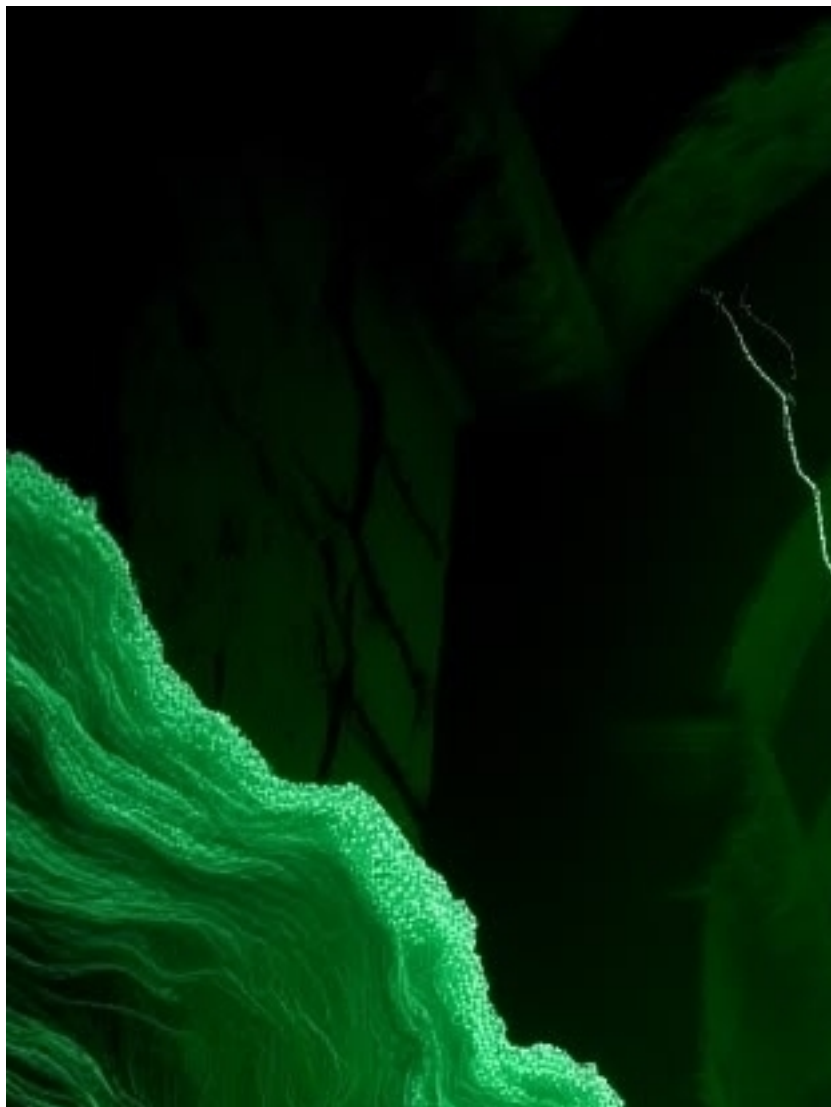
Страх отступил на второй план, вытесненный азартом хищника, идущего по следу. Следуя ментальной карте, я миновала несколько обрушившихся участков, чудом уцелевшие своды комнат, ощущая, как земля содрогается где-то в глубине, будто она дышит. Кристалл пробудил не только гробницу, но и что-то древнее, спящее в недрах холма.

Мое сердце колотилось в бешеном ритме, подгоняя вперед, в этом злополучном узкому лазу, ведущему на поверхность. Впереди забрезжил дневной свет и аромат свежего воздуха, манящий, как путеводный маяк.

Выбравшись на поверхность, я рухнула на мягкую траву, жадно вдыхая прохладный, свежий воздух свободы. Заходящее солнце слепило глаза, но это был самый прекрасный свет, который я когда-либо видела. Земля под телом все еще ощутимо вибрировала, но теперь это воспринималось не как угроза, а как отголосок древней силы. Я жива! Я свободна! Кажется, в той бездне я провела всю ночь и почти весь день. Едва различимый шорох заставил меня обернуться. Нора, выпустившая меня на свет, теперь была закрыта грудой обвалившейся земли.

Встав на ноги, я огляделась. Холм выглядел безмятежно, будто ничего и не произошло. Лишь едва заметная в траве трещина, змеящаяся по склону, выдавала те перемены, что произошли внизу, в мертвом царстве. Я достала мобильник. Сигнал наконец-то появился. Нужно сообщить о находке, но

как объяснить то, что произошло? Кто поверит в кристалл, в шепот, в ментальную карту спасения? Меня же просто запрут в психушку!

the 'information' and 'communication' fields. The 'information' field is defined as:

...the study of the nature, uses and functions of information, and the ways in which it is created, communicated, evaluated and used. (p. 1)

The 'communication' field is defined as:

...the study of the nature, uses and functions of communication, and the ways in which it is created, communicated, evaluated and used. (p. 1)

These definitions are not intended to be exhaustive, but they do provide a starting point for the discussion.

The 'information' field is defined as:

...the study of the nature, uses and functions of information, and the ways in which it is created, communicated, evaluated and used. (p. 1)

The 'communication' field is defined as:

...the study of the nature, uses and functions of communication, and the ways in which it is created, communicated, evaluated and used. (p. 1)

These definitions are not intended to be exhaustive, but they do provide a starting point for the discussion.

The 'information' field is defined as:

...the study of the nature, uses and functions of information, and the ways in which it is created, communicated, evaluated and used. (p. 1)

The 'communication' field is defined as:

...the study of the nature, uses and functions of communication, and the ways in which it is created, communicated, evaluated and used. (p. 1)

These definitions are not intended to be exhaustive, but they do provide a starting point for the discussion.

The 'information' field is defined as:

...the study of the nature, uses and functions of information, and the ways in which it is created, communicated, evaluated and used. (p. 1)

The 'communication' field is defined as:

...the study of the nature, uses and functions of communication, and the ways in which it is created, communicated, evaluated and used. (p. 1)

These definitions are not intended to be exhaustive, but they do provide a starting point for the discussion.

ГЛАВА 4

Добравшись до археологического лагеря к сумеркам, я поспешила в душ, вознося мысленную благодарность руководителю походного подразделения за эту маленькую цивилизованную роскошь. Под струями теплой воды, нагретой солнцем в течение дня, я отчаянно пыталась смыть с себя въедливый аромат древности осевший на коже.

– Софья Александровна? – озадаченный голос Светы прорезал шум воды. – Мы вас потеряли.

– Я ненадолго отлучилась в город. Возникли срочные личные дела, – устало проговорила я в ответ. – Света, будь добра, загляни в мою палатку. В чемодане лежат свертки с готовой одеждой. Принеси, пожалуйста. Совсем вылетело из головы взять чистое, когда шла мыться.

На самом деле, от меня несло так, что я не осмелилась бы предстать перед всеми в своем потрепанном и благоухающем стариной виде. За тонкой стенкой душевой кабины послышался тихий, смиренный вздох и ответ:

– Хорошо. Сейчас принесу.

Закончив с водными процедурами, я одела джинсы и футболку, которые Света заботливо оставила у входа. Выйдя в лагерь к костру, я увидела встревоженное лицо Леонида.

– Софья Александровна, все в порядке? Вы выглядите уставшей. Может, вам нужен травяной чай? Я как раз зава-

рил, – предложил он.

– Спасибо, Леонид, не стоит, – отрезала я, стараясь выдавить улыбку. – У меня все хорошо.

Я поспешила к своей палатке, где одинокий огонек светильника прогонял наступающую тьму. Опустившись на складной стул, я лихорадочно пыталась осмыслить произошедшее.

Навязчивая мысль пульсировала в голове: права на ошибку у меня нет. В километре с копейкой от раскопок, в недрах древнего холма, дремлет – или не дремлет – нечто странное, и... безусловно, разумное. Стоит ли тревожить его сон веков? Да, я ученый, но именно это заставляло меня с сомнением взглянуть на необходимость вскрытия мавзолея. Все, что произошло, не было простым следствием усталости разума. В этом крылось нечто большее, что-то, что заставляло трепетать мое сердце, и мгновенно ледящим ужасом сковывало все тело.

– Софья Александровна, можно войти? – уверенный голос Леонида внезапно прорезал тишину, донесся из-за фанерной перегородки.

– Заходи, староста, – отозвалась я, стараясь отогнать навязчивые мысли. – Но только по делу, Леонид. Я сильно устала. Что там у вас в лагере?

Леонид неспешно повел рассказ о дневных находках – осколках глиняной посуды на раскопе, о планах на завтра, а я слушала вполуха, сквозь пелену, пытаюсь безуспешно най-

ти выход из тупика.

– Ты к нему ездила? – вдруг, резко сменив тон, бросил Леонид, и в голосе его отчетливо прозвучали раздражение и ревность. – Я тебе, значит, не интересен? А он – привлекателен?

– Ты о чем вообще? И с чего это вдруг тыкаешь мне? – возмущение вскипело мгновенно, и я резко вскочила со стула.

– Этот... из поезда... Он ведь приглашал тебя, – с нажимом продолжал Леонид, надвигаясь на меня.

В глазах его плескался не то укор, не то вызов. Я отшатнулась, чувствуя, как волна гнева сменяется холодным ужасом. В глазах Леонида не было привычной теплоты и восхищения, только яростный собственнический блеск.

– Леонид, ты переходишь все границы, – процедила я сквозь зубы, стараясь сохранить видимость спокойствия. – Мне неинтересны твои домыслы. Если ты немедленно не прекратишь этот разговор, я буду вынуждена обратиться к руководителю экспедиции.

Но Леонид, казалось, не слышал моих слов. Его лицо искалось гримасой обиды и гнева. Он сделал еще шаг вперед, и я почувствовала его физическое приближение как угрозу.

– Не понимаешь, Соня? – прошептал он, а голос его звучал приглушенно. – Я извелся, места себе не находил весь день, не зная, куда ты пропала. А ты вот стоишь, как ни в чем не бывало, и говоришь, что устала!

Внезапно его слова обрушились на меня всей своей чудовищной тяжестью, сплетаясь в тугой клубок с моими собственными, тщательно скрываемыми страхами. Он думает, что я...? Боже, до чего же это нелепо и оскорбительно! Знал бы он, где я была и что делала, думаю, он сидел бы сейчас передо мной таким же опустошенным и измученным, как я сама.

– Леонид, между нами никогда ничего не было и не будет, – тихо произнесла я, стараясь говорить как можно спокойнее. – Ты отличный студент и староста, я ценю твою работу, но пожалуйста, не придумывай того, чего нет.

Леонид замер, как оглушенный моими словами. В его глазах мелькнуло что-то похожее на раскаяние. Он отступил на шаг, потом еще на один.

– Прости, – пробормотал он, опустив голову. – Я испугался за тебя.

Он резко развернулся и вышел из палатки, оставив меня в полном смятении. Что это было? Влюбленность? Ревность? Обида? Я вспомнила о кристалле, о шепоте, об ощущении чужой воли, управляющей моим телом. Взглянула в зеркало и ужаснулась. В отражении на меня смотрела измученная, испуганная женщина, чьи глаза выдавали пережитый ужас.

Нужно было немедленно взять себя в руки. Я ученый, и должна мыслить рационально! Но древний странный холм не отпускал меня, и тот шепот не выходил из головы. А главное, кристалл, который казался... разумным!

Я села обратно на стул, чувствуя себя абсолютно разбитой. Не только холм и его тайны давили на меня, но и этот нелепый, болезненный эпизод с Леонидом. В голове роились мысли, перебивая одна другую. Может, мне действительно почудилось все в этом склепе? Может, это был банальный приступ паники, усиленный переутомлением? Но ощущение чужого присутствия, ментальная карта, выведшая меня из каменного плена... Это не могло быть плодом моего воображения.

Встала и подошла к сумке, извлекая полевой дневник и ручку. Нужно было систематизировать все, что произошло, выложить на бумагу, чтобы хоть как-то успокоить хаос в голове. Я начала подробно описывать все, начиная с момента, когда протиснулась в узкую щель. Кристалл, шепот, кровь на плите, карта... Каждое слово, каждое предложение давалось с трудом, но я продолжала писать, будто пытаюсь убедить саму себя в реальности произошедшего.

Кристалл... Что это было? Разумное существо, дремлющее в недрах холма? Или просто древний артефакт, обладающий неизвестными нам свойствами? И почему моя кровь понадобилась ему? Слишком много вопросов, и ни одного ответа.

Закончив записи, я почувствовала легкое облегчение. Хаос в голове немного утих, сменившись решимостью срочно отсюда убираться. Выпив кружку чая, которую все таки любезно принес Леонид, я легла спать. Но сон не приходил. В

голове все еще пульсировал шепот: «Свободна». И я подзревала, что эта свобода досталась мне не просто так. Ей была своя цена. Но какая?

Утро встретило меня свинцовой тяжестью. С трудом заставив себя выйти из палатки, я увидела Леонида, стоящего в стороне от остальной группы, как тень. Его взгляд был полон раскаяния и какой-то обреченности. Я постаралась не подать виду, что что-то произошло, и провела запланированную лекцию, прикладывая усилия, чтобы мой голос не дрожал.

Следующие дни прошли в напряженной атмосфере и ожидании приезда другого руководителя группы на замену, по моему срочному запросу. Я старалась избегать Леонида, сосредотачиваясь на работе. Он, в свою очередь, держался от меня на расстоянии, но я чувствовала, что его взгляд по-прежнему преследует меня.

Ночные размышления не давали покоя: как поступить правильно? Сообщить о находке – значит, поставить свою карьеру под большой вопрос. Молчать? Но ведь это может быть выдающимся открытием!

ГЛАВА 5

Неожиданно молниеносный приезд профессора Колобова, как манна небесная, избавил меня от тяготевших обязанностей. Всего час, и я, окрыленная внезапной свободой, передала ему ворох документов, стайку студентов, впопыхах собрала свои вещи и помчалась в аэропорт.

Еще до первых лучей солнца такси привезло меня к элитному комплексу многоэтажных домов, где гнездилась наша трехкомнатная квартира. Уютное безмолвие дома встретило меня отсутствием мужа и почти болезненным идеальным порядком.

– Стас, я дома! – выдохнула в трубку, слова сами собой рвались, переполненные радостью.

– Дома? Ты же должна быть на раскопках еще целую неделю! – в голосе Стаса слышалось твердое недоумение.

– Приедешь, все расскажу, – прощebetала я, с нетерпением помешивая густой кофе в турке. – А ты сам где?

– Возвращаюсь из Питера, – сухо отрезал Стас. – Устал, как собака.

– Тогда жду. Твой мудрый совет мне сейчас просто необходим, – проговорила я, и поспешно положила трубку.

Ожидание тянулось мучительно долго. Каждая минута казалась вечностью, наполненной зыбкими тенями сомнений и страхов. Я металась по квартире, пытаюсь чем-то занять се-

бя, но мысли снова и снова возвращались к тому холму, к гробницам, к кристаллу, и к Леониду, чья внезапная вспышка признания и ревности меня пугала.

Через несколько томительных часов звонок в дверь прозвучал как выстрел. Я распахнула ее и увидела Стаса. Усталое лицо, осунувшиеся плечи, потухший взгляд. Он обнял меня формально, будто исполняя долг, и прошел в гостиную, не выпуская из рук дорожную сумку.

– Ну, рассказывай, что случилось, – произнес он с усталой снисходительностью, опускаясь в кресло. – Что за срочность? Надеюсь, хоть что-то интересное?

Я начала свой рассказ, стараясь не упустить ни одной детали, ни одного ощущения. Но видела, как скептически сжимаются губы Стаса, как поблескивает насмешка в его глазах. Когда я закончила, он вздохнул и покачал головой.

– Соня, ну ты же ученый! – произнес он с укором. – Какие кристаллы, какой шепот? Переутомилась, вот и все. Попей витамины, выпишь как следует, и все пройдет. А лучше возьми отпуск, поезжай куда-нибудь отдохнуть. И забудь эту ерунду.

– Тогда смотри, – спокойно ответила я и протянула ему свой мобильник, запустив видео из галереи.

Поначалу Стас смотрел рассеянно, но с каждой секундой, с каждым новым роликом его внимание росло. На экране сменялись кадры: вот мавзолей, затаившийся под холмом, вот обе гробницы, испещренные письменами, вот стены, по-

крытые таинственными символами, вот комната, сияющая в свете кристалла, и, наконец, мое отчаянное бегство из этого проклятого места.

Стас досмотрел видео до конца, молча отложил телефон и долго смотрел на меня, словно видел впервые. В его глазах плескались яркие эмоции сменяя друг друга.

– И ты там была? Но как? – наконец выдохнул он, будто боясь спугнуть хрупкое молчание, повисшее в воздухе. – Шепот – ладно, сплшем на игры сознания. Но все остальное... это уже серьезно, Соня. Ты ведь понимаешь? Видела насколько гробница усыпана золотом, оружием, украшениями? Почему хоть что-то не прихватила? Ты же ученый! Сейчас бы мы точно знали, с чем имеем дело.

Я лишь кивнула, не в силах выдать ни слова. В голове бушевал хаос, клубок из непонимания. Как он мог думать об этом сейчас? Я едва выбралась оттуда живой! Провалилась в эту дыру без снаряжения, мои шансы выжить были ничтожны! Он ведь учился со мной, прекрасно понимает, насколько это было опасно. Да, он ушел в бизнес, а не в науку, но все же...

Стас вдруг резко вскочил, схватил пиджак и направился к гардеробной.

– Нужно подумать, – бросил он через плечо, не останавливаясь. – Но часть символов – точно скифский период. Набросай мне пока карту, как помнишь. И примерное местоположение относительно раскопа. Интересно, насколько они

промахнулись.

Я застыла посреди гостиной, как громом пораженная. О чем он? Что это значит?

Стас вернулся с бутылкой коньяка и двумя рюмками в руках. Молча наполнив их до краев, он протянул одну мне.

– Нам нужно поговорить, – сказал он. Впервые за долгое время в его голосе прозвучала искренность. – Ты правильно сделала, что никому ничего не сказала.

– Ты о чем, Стас? – удивленно спросила я.

– Мы сами займемся этим местом и выпотрошим его, – уверенно ответил муж.

– Ты что? Так нельзя! Это же археологическая находка! Не просто усыпанная драгоценностями, а хранящая артефакты невиданной ценности! – раздражаясь воскликнула я.

Стас усмехнулся, запрокинув голову и осушил рюмку одним глотком. Я в порыве злости на него сделала тоже самое. Коньяк обжег мое горло, рассеивая на миг оцепенение.

– Соня, ты идеалистка, – произнес он, ставя рюмку на стол. – В этом мире правят деньги. Ученые годами копаются в земле за гроши, а потом их открытия пылятся в музеях. Мы же сможем изменить для себя все. Представь, какие возможности это откроет! И все это благодаря твоей находке.

Я молчала, пытаюсь осмыслить услышанное. Этот Стас был мне незнаком. В нем горел огонь алчности, затмевая все остальное. Он больше не видел во мне ученого, коллегу, жену. Только источник знаний о находке.

– Но это же история, культура! – воскликнула я с отчаянием. – Мы не имеем права разрушать ее ради собственной выгоды.

– История пишется победителями, – холодно ответил Стас. – И сейчас мы – победители. Не упusti свой шанс, Соня.

Испуг сковал меня, и я впервые морально отшатнулась от мужа. В голове гудело от противоречивых мыслей. Он собирается украсть, ограбить гробницу – и это после всего, что я там пережила? После того, как чуть не погибла? Нет, этому не бывать.

– Я против этого, Стас, – отрезала я, направляясь в кухню, как в убежище, где надеялась укрыться от его слов.

Заваривая кофе, я чувствовала, как внутри меня нарастает буря возмущения. Его смех, резкий и чуждый, полоснул по нервам. Стас, как тень, скользнул за мной, продолжая давить своим напором:

– Против? Не смей меня, Соня. Ты же умная девочка и сама понимаешь, что выхода нет. Ты влипла в историю, из которой сухой не выйдешь. Либо ты играешь по моим правилам, либо...

Он не договорил, и в воздухе повисла ледяная угроза, невидимая, но осязаемая. Я молча помешивала кофе, отчаянно пытаюсь усмирить дрожь в руках. Что он задумал? Что скрывается за этими зловещими намеками? Страх ледяными пальцами сжал сердце, но я заставила себя смотреть ему

в глаза.

– Либо что, Стас? – мой голос звучал твердо, несмотря на внутреннюю панику. – Что ты сделаешь? Побежишь в полицию с рассказом о моей находке? Думаешь, я испугаюсь? Да я лучше вынесу все это на свет, расскажу правду всему миру, чем позволю тебе уничтожить бесценное наследие!

Стас прищурился, оценивая мою решимость, как будто взвешивая на весах всю ситуацию. Долгая пауза, наполненная напряжением, прервалась его вздохом, и тон его вдруг смягчился.

– Либо, любимая моя, мы просто сбежим отсюда в отпуск. Я ужасно устал. А у тебя и того хуже, уже галлюцинации и ментальные карты мерещатся. Завтра же улетаем. Отправлю заявление на кафедру, – пробормотал он, слегка коснувшись моей щеки поцелуем, и вышел из кухни, оставляя меня в зыбком болоте сомнений.

Вечер окутал квартиру мягким полумраком. Я, поджав ноги, свернувшись калачиком на диване, погрузившись в мерцающий экран огромного телевизора на стене. Стас, склонившись над ноутбуком, колдовал по бронированию отеля и авиабилетов. В воздухе вновь разлились обычные для нас стабильность и умиротворенность, словно и не было недавней ссоры.

– Стас, мне бы хотелось с тобой поговорить, – тихонько прошептала я, стараясь не нарушить зыбкую тишину.

– О чем, любимая? – отозвался муж, не отрывая взгляда

от монитора.

– О нас... Мне кажется, повседневность точит наши отношения. У нас есть всё: работа, квартира, дача. Но чего-то главного не хватает. Может, нам стоит подумать о ребенке? Мне кажется, мы достаточно повзрослели и теперь готовы к появлению малыша, – размышляла я вслух, надеясь, что он услышит не только слова, но и мольбу в моем голосе.

– Милая моя, вот в отпуске этим и займемся, а сейчас спать. Завтра ранний вылет, – уверенно ответил Стас, захлопывая ноутбук.

Я давно мечтала о ребенке, представляла его улыбку, маленькие ручки, тянущиеся ко мне. Но Стас всегда считал, что не стоит заводить детей, пока мы твердо не встанем на ноги. И вот, когда мы, казалось бы, достигли этой стабильности, у нас просто не осталось времени друг на друга, не говоря уже о ребенке.

В спальне Стас уснул мгновенно, а я лежала без сна, всматриваясь в темноту и слушая его ровное дыхание. Ребенок... Быть может, это и есть выход? Шанс вернуть наши отношения в прежнее русло, наполнить их смыслом и любовью, заглушить тревогу и пустоту, поселившиеся в моем сердце. Но как можно думать о ребенке, когда рядом с тобой спит человек, готовый на все ради наживы, даже на преступление?

Думая обо всем и ни о чем, я все же заснула, и мне приснился странный сон. Будто я снова стою в комнате с кри-

сталлом, и он манит меня к себе, нашептывая что-то невнятное. А потом появляется Стас. Он тянет руки к кристаллу, и в тот же миг его поражает молния, и он превращается в кучу пепла. Я проснулась в холодном поту, с бешено колотящимся сердцем. Сон был настолько ярким и реалистичным, что теперь я была уверена – эта история закончится очень плохо.

ГЛАВА 6

В аэропорту Стас был оживлен и весел, казалось что и не было вчерашнего тяжелого разговора. Он крепко сжимал мою руку, фонтанировал планами на отпуск, задорно выбирал маршруты экскурсий, и с кем-то постоянно созванивался.

Я же пребывала в полусонном оцепенении, будто наблюдая за происходящим сквозь мутное стекло. В глубине моей души зародилось смутное подозрение – Стас от меня что-то скрывает, потому что этот упрямый мужчина никогда не отступает от своих планов. Его показная забота – всего лишь тщательно нанесенный грим, скрывающий трещину в наших отношениях.

Самолет дрогнул и взмыл ввысь, оставив Москву внизу. Впереди нас ждал отпуск, море, обжигающее солнце... и призрачная надежда разжечь затухающий огонь нашей страсти, вернуть тепло угасающей любви.

Я украдкой взглянула на Стаса. Он, прикрыв глаза, притворялся спящим. Путешествие только начиналось, но я уже отчетливо чувствовала: этот полет станет началом новой главы нашей с ним жизни, либо окончательным прощанием с моими иллюзиями. Либо вернет нам прежнюю юношескую близость душ и общность интересов.

Тайланд обрушился на нас волной знойного, влажного

воздуха, тут же облепив кожу липкой испариной, а гул толпы просто оглушал. Стас, скорчившись от непривычной духоты, с деловитой ловкостью выхватил чемодан с ленты транспортера и решительно двинулся к выходу из терминала, где нас уже поджидал трансфер. Я плелась следом, словно зачарованная, пытаюсь приручить тропическую жару, обволакивающую меня в кокон.

– Стас, кажется, отели в другой стороне, – пробормотала я, чувствуя, как ускользает привычная картинка туристического маршрута.

– Если мы решили подарить друг другу маленькое чудо, то нам нужны острова. Уединение там – лучший союзник, чтобы у нас появился ребенок, – прошептал муж, оставляя на моих губах обещание нежности в виде поцелуя.

Волна восторга захлестнула меня. Вот он, мой Стас, мужчина, с которым я по глупости чуть не рассталась. Веселый и страстный, мудрый и спокойный, безумно красивый, смотрящий на меня так, что все внутри замирает от любви к нему.

А дальше наше путешествие проходило по водной стихии. Катер взрезал изумрудную гладь воды, обдавая нас солеными брызгами, как прохладным благословением. Ветер-озорник трепал мои распущенные волосы, а солнце щедро дарило поцелуи, обещая золотистый загар. Примерно через час, впереди, сотканные из моих мечтаний, как миражи, из морских глубин появились острова, утопающие в бархате тропической зелени.

Сердце замирало в предвкушении, когда вдаль показались крыши уютных бунгало, притаившихся в объятиях джунглей на берегу. Ни намек на цивилизацию, лишь шепот морского бриза в пальмовых листьях, да перекличка диких птиц. Стас щедро одарил местного человека чаевыми, и катер умчался обратно, в марево знойного горизонта, оставив нас наедине с первозданной красотой.

– Ну, как тебе? – спросил муж, с лукавой искрой в глазах. – Полное слияние с природой! Именно то, что нам нужно.

Я кивнула, не в силах сдержать восторг от ощущения праздника и разливающейся в душе романтики. Отель, приютившийся на острове, оказался сказочным местечком: россыпь деревянных бунгало, увитых изумрудной зеленью, с лазурным бассейном, спрятанным во внутреннем дворике.

Едва закинув вещи в номер, Стас потянул меня на пляж. Золотой песок обжигал ступни, а ласковая изумрудная вода звала в свои нежные объятия. Мы плескались, ныряли и смеялись беззаботно, как в старые добрые времена. Груз последних месяцев растаял, оставив место лишь безмятежной радости.

Вечером, в маленьком ресторанчике на берегу, дегустируя местные морепродукты и вкуснейшие фрукты, мы любовались томным закатом. Стас был внимателен и галантен, словно вернулся в начало наших отношений. Он рассказывал смешные истории, шутил и нежно сжимал мою руку. Мое сердце мгновенно оттаяло, рождая надежду на то, что

все наладится, что мы сможем воскресить ту любовь, которая когда-то связала нас.

Последующие дни пролетели в вихре неспешных прогулок и романтических ужинов. Стас был искренне увлеченным отдыхом. Но порой в его глазах мелькал какой-то странный блеск, словно он чего-то ждал, чего-то очень важного.

Вечером, сидя в уютном кресле под открытым небом, я робко попыталась заговорить о будущем. Но Стас был рассеян и молчалив. Он пристально смотрел в темноту, словно высматривал что-то вдали. В его глазах снова вспыхнул тот огонек, что я видела в тот самый вечер после моего возвращения.

– Завтра мы отправляемся нырять на дальние острова, – сообщил он, нежно целуя меня и унося на руках в бунгало, при этом осыпая шею дорожкой коротких поцелуев...

Утро выдалось прекрасным, свежим и ясным, когда мы неслись на маленькой яхте. Солнце, как по заказу, щедро заливало горизонт, играя бликами на лазурной глади. Стас был непривычно молчалив, сосредоточенно проверяя снаряжение для дайвинга. Меня же терзало смутное беспокойство, словно предчувствие чего-то неизбежного.

Я не отходила от него ни на шаг, пытаюсь разгадать загадку его поведения. Он казался одновременно и близким, и невыносимо далеким. Наконец, яхта, подгоняемая попутным ветром, доставила нас к заветному месту – острову, окруженному коралловыми рифами.

– Знаешь, сегодня я не ныряю. Не хочу, – произнесла я с неожиданной уверенностью, а внутри меня нарастала какая-то необъяснимая тревога, как предчувствие беды.

– Чего это вдруг? – удивленно и с внезапным раздражением спросил Стас.

– Не знаю... Просто не хочу, – растерянно ответила я, пытаясь унять дрожь в голосе.

– Брось. Одевайся, и пошли. Мы зачем сюда приплыли? – недовольно буркнул муж.

– Стас, я же говорю, не хочу. Ты не слышишь? Пожалуй-ста, давай без меня!

– Ну, как знаешь... – процедил он злобно сквозь зубы и, не сказав больше ни слова, спустился в воду.

Подводный мир радовал буйством красок и причудливых форм, которые просматривались сквозь толщу кристальной воды. Стас, как опытный дайвер, уверенно пошел вглубь, разглядывая разноцветных рыбок и коралловые сады, а после пропал из виду.

Время тянулось мучительно медленно, но он все не появлялся. Я украдкой бросала взгляды на нашего рулевого. Мы остались с ним наедине, в тишине и мерном плеске волн за бортом. По дороге сюда я видела, что Стас помогал ему и изредка перебрасывался фразами. Меня не покидало странное ощущение, будто они знакомы. Впрочем, Стас всегда легко находит общий язык с людьми, особенно учитывая его безупречный английский.

Муж вернулся спустя, как мне показалось, целую вечность. Лицо его лучилось таким восторгом, будто он принес с собой саму искру творения. В руках он держал большую раковину, закрученную в спираль, и каждая ее грань мерцала перламутром под ласковым солнцем.

– Смотри, что я отыскал! – выдохнул он, протягивая мне это сокровище.

Я приняла раковину с благоговением. Ее изящные изгибы, отполированные временем и волнами, завораживали.

– Невероятная красота, – прошептала я, как зачарованная. – Настоящий шедевр, созданный морской стихией.

Мы застыли у борта, увлеченные его находкой. Голос Стаса, полный восторга, рассказывал о неземной красоте, сокрытой в глубинах, уговаривая вновь окунуться в эту бездну. Но сегодня море не звало меня. Хотя в любой другой день я бы без раздумий нырнула в его объятия, ведь это было моей любимой отпускной забавой. Я обожала погружения в морские пучины, в этот удивительный, почти нереальный мир, сотканный из безмятежности и таинственной тишины.

Однако, от его восторженных речей мне становилось только тревожнее. Я смотрела на раковину в своих руках, и вместо восхищения меня охватывал какой-то липкий, необъяснимый страх. Будто в этой перламутровой красоте таилась какая-то злая воля, какая-то темная тайна, поднятая со дна морского вместе с ней.

– Стас, может, хватит на сегодня? Я чувствую себя неваж-

но, – пробормотала я, чувствуя, как холодок пробегает по спине.

Он отмахнулся, не отрывая взгляда от воды.

– Да брось ты, не будь такой занудой! Там столько дивно-го, дух захватывает! – процедил Стас, даже не взглянув на меня.

Рулевой, до этого безучастно наблюдавший за нами, прокашлялся и, как бы невзначай, произнес на безупречном английском:

– Дивная раковина. Говорят, приносит удачу.

В его словах мне почудилась зловещая недосказанность, какой-то скрытый, леденящий душу подтекст. Я невольно вздрогнула, сильнее стиснув раковину в ладони. Казалось, она пульсирует, как живое сердце, и одновременно обжигает руки могильным холодом.

– Стас, он не местный. Не таец. Я уверена, – прошептала я, прильнув к уху мужа. – Что-то мне в нем не нравится.

– Смотри! Там, в глубине! – вдруг воскликнул Стас, указывая на воду под нами.

– Где? – с любопытством отозвалась я, подавшись вперед через борт.

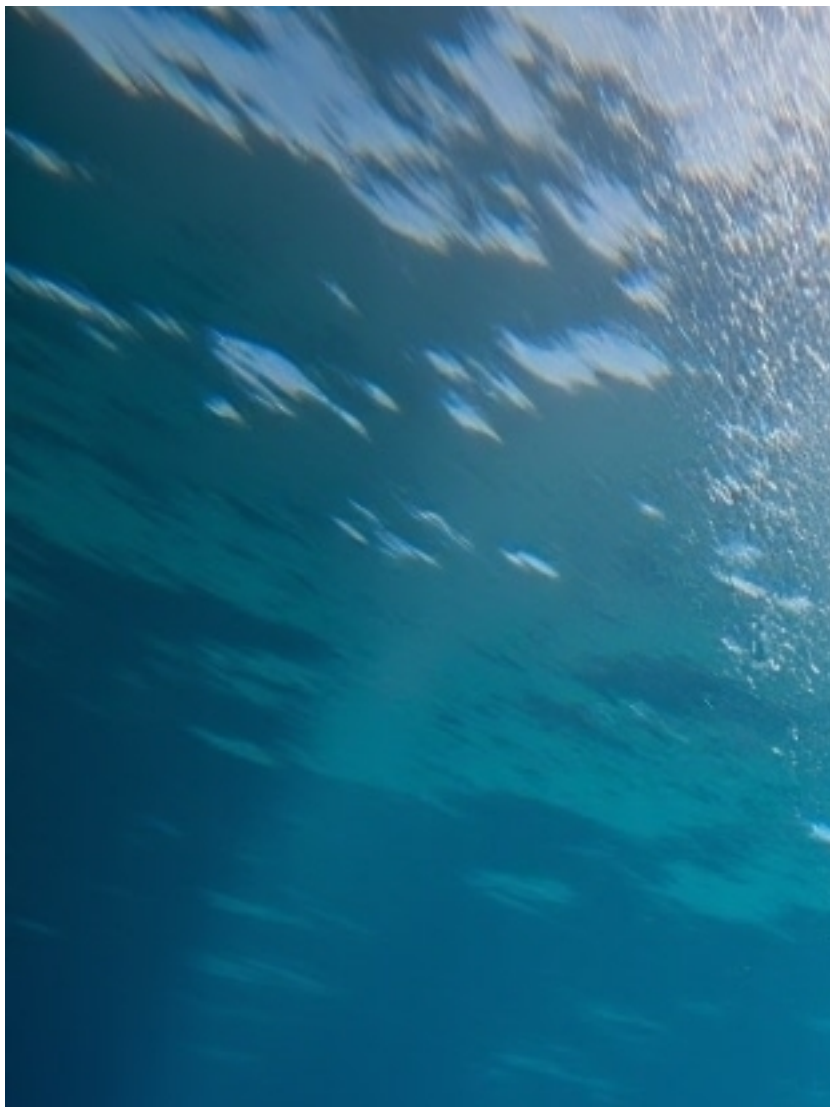
В тот же миг меня оглушил чудовищный удар по затылку. Мир взорвался, рассыпаясь на осколки, и я внезапно полетела в морскую бездну, выброшенная за борт руками любимого человека. Сквозь нарастающую толщу воды я отчетливо видела его равнодушное лицо, его пустые, ничего не выра-

жающие глаза, и рядом стоящего рулевого с яхты. Теряя сознание я была парализована ужасом, когда разрастающееся багряное пятно моей крови окрасило воду вокруг, и я начала медленно, неотвратимо погружаться в смертельную тьму.

Соленая вода обожгла горло, я машинально глотала ее, отчаянно пытаясь вдохнуть хоть каплю воздуха. В голове вихрем проносились обрывки счастливых воспоминаний: смех Стаса, его нежные объятия, наши радужные планы на будущее, мечты о ребенке... Неужели все это было лишь дьявольской иллюзией? Неужели человек, которому я безгранично доверяла, способен на такое предательство?

В этот миг все встало на свои места. Его ухаживания в последние дни, его показная нежность, этот роскошный отпуск, эта поездка на проклятые острова – все это было лишь тщательно спланированной декорацией. Он знал о древнем захоронении, знал, где искать сокровища, и использовал меня. А теперь просто избавился, как от ненужного свидетеля.

Вдруг в надвигающейся тьме моего сознания вспыхнуло изумрудное сияние и шепот "капля крови". Я вновь увидела ту комнату, с пульсирующим кристаллом. Меня потянуло вниз, в бездонную пропасть, а сознание стало меркнуть окончательно. Сквозь мутно-кровавую пелену я разглядела темный силуэт, стремительно приближающийся ко мне из морской пучины.

ГЛАВА 7

Это, без сомнения, было то место, которое мне хотелось навсегда вычеркнуть из своей памяти. Проклятое место, где моя жизнь разделилась на «до» и «после», но единственное, что оставалось непонятным – что я здесь делаю? Я попыталась увидеть свои руки, но их просто не было. Меня всей не было, кроме сознания! Леденящий ужас сковал все мое существо. Страшно! Как же мне стало страшно!

– Спускаааай! – резко раздался знакомый голос, который я предпочла бы забыть.

Этот голос преследовал меня со школьной скамьи, и он же был последним, что я слышала, когда мой мир рухнул в бездну. Тогда, погружаясь в темноту воды, я прощала его, отпускала навсегда, лишь бы больше никогда не видеть и не слышать своего мужа. И вот, я вновь столкнулась с ним в этом проклятом месте. По веревке, брошенной сверху, он спускался в узкий провал, рассекая тьму своим фонарем, и выхватывая из мрака древние стены гробницы.

– Немыслимо, – ошарашенно прошептал Стас, и тут же закричал подняв голову вверх. – Фиксируй и спускайся. Работы тут много. До рассвета не управимся. Надо спешить, иначе придурки с раскопа нас засекут.

– Хорошо, – отозвался мужской незнакомый голос сверху. Стас отпустил веревку и ступил на каменный, пыльный

пол, пропитанный дыханием веков. Обводя оценивающим жадным взглядом все помещение, следуя за лучом фонарика, он прошел мимо множества глиняных сосудов, разных размеров, но одинаково полных старинного золота, серебра и драгоценных камней. Остановившись перед двумя надгробными плитами, он усмехнулся:

– Ну что ж, мои дорогие стражи, вы, должно быть, были не просто богаты, а сказочно богаты, раз вас похоронили с такими почестями. Но знаете что? Бог велел делиться. И пришло время вам поделиться со мной.

– Ну, что тут у тебя? – спросил мужчина на английском, и я узнала в нем рулевого с той злополучной яхты.

– Сам посмотри. Мы теперь богачи. Невероятно богаты. То, что в кувшинах – это лишь малая доля по сравнению с этим, – ответил Стас, освещая каменные пьедесталы, выстроившиеся вдоль противоположной стены.

– Ух ты, – присвистнул его подельник, пораженный увиденным.

Я зачарованно смотрела на невероятной красоты украшения, покоящиеся на этих пьедесталах. Как ученый, я отчаянно пыталась понять, кем могла быть эта женщина, похороненная с сыном правителя, которая явно не принадлежала к этому народу. Нам ничего не было известно о подобной обработке драгоценных камней и металлов в ту эпоху.

Великолепные драгоценности были расставлены с особой тщательностью, словно сокровища королей: главная коро-

на, повседневный венец, бесчисленные диадемы, пекторали, браслеты, разнообразные наручи. Эта женщина, очевидно, происходила из какого-то царского рода, но как она оказалась здесь, оставалось загадкой.

– Зря ты прикончил свою женушку. Мы должны быть благодарны ей за такое открытие, – проскрежетал напарник Стаса, ухмыляясь.

– А я ей очень благодарен. Потому и подарил легкую смерть в красивом месте. Она обожала плавать и любоваться морскими пейзажами. Теперь там ее могила, – цинично ответил мой бывший муж. – Пусть спит спокойно, и давай больше не вспоминать об этом. Ясно?

– Да, понял, – ответил мужчина и направился к пьедесталам с украшениями.

Внезапно из соседней комнаты вырвалось зеленоватое свечение, достаточно яркое, чтобы осветить всю гробницу.

– Что это? – испуганно спросил мужчина и трусливо присел.

– А это, видимо, тот глюк, который она приняла за древнюю разумную силу. Пойду гляну, что там так сияет, а ты пока упаковывай все. За один раз не унесем. Забираем все украшения и пару глиняных сосудов с золотом и серебром. Сделаем анализ металлов и камней, а потом вернемся за остальным, – продолжал говорить Стас, пробираясь в соседнюю комнату через покосившийся, узкий проем.

Я последовала за ним и внезапно поняла, что прохожу

сквозь каменные стены. Значит, я все таки умерла и стала духом, что, конечно, антинаучно. Но теперь у меня не было оснований не верить в такую возможность, раз уж я шагала сквозь стены и парила в воздухе, абсолютно не чувствуя своего тела.

В соседней комнате находилась огромного размера сфера, пульсирующая изумрудно-зеленым пламенем, в середине которой покоился знакомый мне кристалл.

Вдруг мистическое сияние затопило все пространство этого помещения, источая невыразимое чувство древней, непостижимой силы. Стас замер на пороге, плененный этим зрелищем, которое явно не мог вместить его разум. Луч фонаря жалко терялся в этом потустороннем свете.

– Что за чертовщина... – прошептал он, инстинктивно отступая назад.

Некогда наглая ухмылка сползла с его лица, уступив место неподдельному ужасу, плескавшемуся в его глазах. Сфера начала медленно вращаться, и в ее глубине проступили зыбкие видения: лица, ландшафты, сцены из минувших дней. Я узнала в них отголоски и своей жизни, но искаженные, словно смотрящие на меня из кривого зеркала.

Свечение нарастало, сфера пульсировала, испуская волны энергии. Мелко дрожащие стены гробницы отзывались зловещим шепотом: «Кровь за кровь...».

Стас, как парализованный, не мог отвести своего взгляда от сферы. Внезапно из нее вырвались два ослепительных

луча. Один метнулся в Стаса, другой – в сердце основной гробницы, где находился его напарник. Крик боли застрял в горле мужа, будто невидимая рука зажала его рот. Он в секунду обмяк и рухнул на каменный пол, а сфера, испустив свой смертоносный заряд, угасла, оставив лишь призрачный зеленоватый отблеск.

Я подплыла к неподвижному телу бывшего мужа. Его глаза были широко распахнуты, застыв в гримасе безумного ужаса. Жизнь покинула их. Не знаю, что именно произошло, но та самая сила, которую он так надменно презирал, отомстила ему за все прегрешения. Теперь он навеки останется здесь, в плену древней гробницы, среди сокровищ, которые так и не сумел присвоить.

Ненормальная. Любая другая озлобилась бы, замыслила месть, попыталась бы уничтожить его, злорадствовала. А я... нет. Мне было мучительно видеть, как человек, которого я когда-то любила, лежит сейчас с выжженным сердцем и зияющей дырой в груди.

Природа этого луча была мне неизвестна, но он, как молния, был внезапен, беспощаден и смертелен. Казалось, он пронзает человеческую плоть, как нож входит в мягчайшее масло. Теперь я знала, видела: моего обидчика больше нет. Стас умер мгновенно, окруженный столь желанными для него сокровищами. Во мне что-то судорожно сжалось и прослезилось, но это было точно не сердце, потому что сердца у меня не было.

В основном зале дикий вопль захлебнулся хрипом и предсмертным бульканьем. Сознание подгоняло меня вперед, сквозь древнюю каменную кладку. Зрелище, развернувшееся моему взору, обожгло нестерпимым ужасом. Стасов напарник лежал, скрюченный в немыслимой позе, как сломанная кукла. Багровая лужа растекалась вокруг него, впитываясь в древние плиты, а в груди зияла рваная, черная дыра – словно хищный зверь вырвал его сердце вместе с корнями. На пьедесталах, равнодушные к трагедии, по-прежнему покоились сокровища.

Гробница вновь погрузилась в густую, гнетущую тишину. Я чувствовала, как что-то разумное, обитающее здесь, отступало, как будто выполнило свою мрачную миссию и погружалось в сон. Древняя сила живущая в этом проклятом месте, свершила свой праведный, жестокий суд.

Я внимательно оглядела гробницу, ставшую причиной моей смерти и могилой для этих двух алчных безумцев. Они искали здесь богатство, а нашли вечный покой. А я? Я всего лишь искала тихое пристанище для своей растерзанной души, а получила предательство и бестелесное существование. Может быть, когда-нибудь я пойму, почему оказалась здесь? Может быть, однажды я обрету покой?

Но сейчас, глядя на бездыханные тела своих убийц, я чувствовала лишь леденящий, парализующий ужас и всепоглощающую, разъедающую пустоту. Я что дух? Призрак, навеки прикованный к этим стенам, обреченный вечно блуждать в

лабиринте его каменных коридоров?

ГЛАВА 8

– Почему ты считаешь, что она виновна не меньше его? – прозвучал в моей голове тяжелый мужской голос.

– Полагаю, у него были очень веские причины тащить её на эти богом забытые острова, чтобы вот так тихо прибить. Очевидно, она что-то знает, – уверенно отозвался другой, хрипловатый голос.

– Не знаю, Борис. Мне она кажется жертвой. Я вывернул наизнанку дело этой девчонки и скажу тебе, трудно сыскать женщину чище этой наивной дурочки, – возразил первый голос, в котором проскользнуло сочувствие.

– Тише ты. Смотри на экран, – резко оборвал его тот, кого собеседник назвал Борис.

– Ооо! Очухалась все же. Надо же! – ироничный выдох прорезал тишину, и за ним последовало гнетущее молчание.

С тяжелыми веками, слипшимися как будто от сна, я распахнула глаза навстречу безжалостному дневному свету, хлынувшему из комнаты на меня. Удар пришелся прямо в голову, отзываясь острой, невыносимой болью. Пробуждение в этом безумном сиянии казалось жестокой пыткой. Предвестием моего возвращения в еще более безумный мир. Собрав остатки воли, я попыталась оглядеться и изучить лица двоих собеседников. Но с ужасом осознала – мое тело было сковано невидимыми цепями. Паника, ледяной волной,

накрыла меня с головой, и лишь всеобъемлющая слабость служила хрупким щитом, удерживая от истерики. Я – инвалид...

В комнате царила атмосфера напряженного ожидания. Я пыталась сфокусировать взгляд, понять где я. Каждое движение глаз давалось с трудом, а тело где-то вдалеке отзывалось тупой болью. Мысли текли медленно, как будто сквозь пелену тумана. Что я здесь делаю? Кто эти люди? Что я знаю такое, что делает меня одновременно и жертвой, и обвиняемой?

– Кто вы? – едва прошепстала я, чувствуя, как пересохшее горло саднит каждое слово.

– Ну, уже неплохо, что не спросила, кто ты сама, – усмешка тронула губы незнакомца, искажая его лицо зловещей тенью. – Врачи были готовы и к амнезии. Имя свое помнишь?

Он возвышался над моей кроватью, воплощение небрежной элегантности в светлом льняном костюме. Свободные штаны и футболка идеально облегли его атлетичную фигуру. Загорелая кожа цвета темной бронзы лоснилась из под белого пиджака, а в серо-голубых глазах сверкала дерзкая насмешка. Его взгляд скользнул по мне, как по надоедливой помехе, с презрением, от которого по моей спине пробежал холодок.

– Я... Софья Александровна Мартынова, – прошептала я, облизывая пересохшие губы. – Можно попросить у вас воды?

– Отлично. Память при тебе. Меня зовут Борис, и ты у меня в гостях. Прошу это ценить, – отрезал он, отворачиваясь, но я успела заметить, как уголки его губ изогнулись в хищной ухмылке. – Пон, подойди. Пришла в себя. Займись ею.

Второй мужчина тяжело вздохнул и, подойдя, присел на край моей кровати. В его глазах мелькнула тень мимолетного сочувствия, тут же погребенная под маской безразличия.

– Как себя чувствуешь? Меня зовут Алекс, – произнес он, и в его голосе прозвучал приговор.

– Не знаю... Голова раскалывается, тело как чужое. Что со мной?

– Что помнишь? – Алекс взял мою руку и прощупывал пульс, но я не ощутила его прикосновения. Лишь видела, как его пальцы обхватили мое запястье.

– Муж... Помню удар... много воды за бортом... и кровь... мою кровь, – прошептала я, и ледяные щупальца воспоминаний вновь сжали мое сердце.

Паническая атака обрушилась, как цунами. Я задыхалась, расширенными от ужаса глазами вновь переживая боль удара, падение в бездну, отчаяние, угасающее сознание. Я попыталась закричать, но из горла вырвался лишь хриплый стон, и тьма снова поглотила меня.

Резкий запах ударил в нос, выдергивая меня из небытия. Что-то смутно знакомое, отдаленно напоминающее нашатырь, но куда более терпкое и дикое. Надо мной склонилось обеспокоенное лицо азиата, его темные глаза с тревогой изу-

чали меня. В руках он держал пучок незнакомых трав, наполнивших воздух пряным ароматом, а пальцы другой руки умело надавливали на точки на шее и висках. В стороне, скрестив руки на груди, стоял Борис, и его взгляд был полон холодного, нескрываемого любопытства.

– Тише, тише, все хорошо, – успокаивающе проговорил азиат на английском, – спокойно дышите и считайте за мной. Раз, два, три, четыре... Выдох. Еще раз. Повторяйте за мной.

Несколько мучительных минут он продолжал упражнения со мной. Его прикосновения к определенным точкам на теле постепенно успокаивали меня, словно растворяя остатки паники в густом мареве слабости.

Я закрыла глаза, пытаюсь собрать воедино разбитые осколки воспоминаний: муж... удар... кровь... вода... моя смерть... гробница... лучи... тела моих убийц. Так это был сон! Но почему я жива? И где я? И почему эти трое так пристально наблюдают за мной?

– Лучше? – тихо спросил азиат.

Я открыла глаза и едва заметно кивнула.

– Меня зовут Пон Чей Ло. Зовите меня Пон. Я ваш врач. У вас тяжелая черепно-мозговая травма. Тело еще плохо слушается, но это восстановимо. Необходима долгая реабилитация. Удивительно, что вы вообще выжили, – говорил мужчина, а я чувствовала только ужас от происходящего, но моя слабость заглушала все.

Он нажал кнопку, и верхняя часть медицинской кровати

плавно поднялась, позволяя мне осмотреть комнату, не двигаясь. Ничего подобного я никогда не видела. Бежевые стены украшали старинные картины, копии известных полотен, которые я смутно узнавала. Огромные панорамные окна были задрапированы легкими, почти прозрачными портьерами, колыхавшимися от морского бриза, струящегося сквозь распахнутые двери в каждом оконном проеме. В воздухе витал пьянящий аромат моря – соленый, обжигающе-теплый. Во рту пересохло. Пон протянул мне стакан с какой-то воюющей жидкостью.

– Не торопитесь. Пейте, – произнес он мягко, с неприкрытым участием.

– Вы, дорогая девушка, были в коме почти три недели, – неожиданно в наше общение с доктором вклинился Борис. – После такой тяжелой черепно-мозговой травмы требовалась медицинская помощь, и я распорядился ее вам оказать. Оборудование искусственной вентиляции легких и все остальное уберите отсюда. Ей явно уже лучше, – жестко, по-хозяйски отрезал он.

Допивая странную жидкость, которая едва ли была простой водой, я попыталась оценить свое положение. Слева и справа от моей кровати громоздились приборы, издававшие непрерывный писк, а на экранах мелькали символы и цифры.

– После такой травмы вам нельзя вставать. Физические и умственные нагрузки противопоказаны. Реабилитация требует постепенности, – перебил Бориса Пон. – Выйдите все.

Ей необходим покой. И мне нужно ее покормить.

– А я думаю, что она уже готова к разговору, – небрежно возразил Борис, как я поняла, хозяин этого места.

– Кто из нас врач, мой друг? Или делай все сам, а я улетаю, – неожиданно резко ответил Пон, в его голосе проскользнуло раздражение. – Хочу напомнить тебе, что реабилитация после комы – это помощь больному во всем: в приеме пищи, посещении туалета и душа. Это упражнения для восстановления моторики и речи. Это нормализация питания, витамины и микроэлементы. Массаж для восстановления мышечного тонуса. Ты готов ко всему этому?

– Значит, так, – гневно оборвал его Борис. – Корми, ухаживай, а в душ я и дальше буду ее носить сам.

– Что? – тихо вырвалось у меня. – В душ?

Ужас и стыд затопили мое сознание. Этот холодный, надменный амбал носил меня в душ... и видел все? Как им это пришло в голову? Извращенец! Три недели! Боже мой, он меня мыл?!

Кровь бросилась в лицо, заливая щеки неконтролируемым румянцем. Унижение жгло, как кислота, разъедая остатки моего самообладания. Собрав в кулак все силы, я попыталась сесть, но острая боль пронзила голову, заставляя меня снова откинуться на подушку. Пон поспешно поднес ко мне стакан, заботливо придерживая мою голову.

– Не волнуйтесь, я рядом. Сейчас вы должны думать о восстановлении, а не о... – он запнулся, бросив быстрый взгляд

на Бориса, – посторонних вещах.

Борис усмехнулся, отвернувшись к окну, словно разговор о моей беспомощности доставлял ему особенное удовольствие. Его молчание давило сильнее любых слов. Я почувствовала себя пойманной в ловушку, игрушкой в его руках, лишенной права голоса и собственного достоинства.

– Скажите, где я? Что это за место? – прохрипела я, устремив взгляд на Пона, единственного, кто вызывал у меня хоть каплю доверия.

– Вы на частном острове. Это резиденция Бориса. Он и Алекс нашли вас в море... – Пон замялся, явно подбирая слова, – ...и мы позаботились о вас. Вы были в очень тяжелом состоянии. Мне пришлось вытаскивать вас с того света.

Покушение на убийство... воспоминания вновь нахлынули, смешиваясь с бредом сна, болью и страхом. Обрывки картин, как осколки разбитого зеркала, отражали ужас пережитого мной. Яхта... муж... попытка моего убийства... Неужели это было реальностью, а не порождением воспаленного мозга? И если да, то почему я жива? Кто спас меня и зачем? И какую роль в этом сыграл этот самодовольный, холодный мужчина, который хозяйничал в моей судьбе, как у себя дома и таскал меня в душ, когда я была в отключке?

– А теперь отдыхать. Я пойду приготовлю вам еду и начнем реабилитацию, – спокойно, и даже обыденно, сказал Пон, направляясь к двери.

Оставшись наедине со своими мыслями, я попыталась

унять дрожь и отчаяние, охватившие мое тело. Остров. Резиденция. Покушение. Чувство моей беспомощности давило на грудь, как тонны той убийственной воды.

Я не знала, кому верить, кто мои враги, а кто спасители. Единственное, что я знала наверняка: моя жизнь висела на волоске, и теперь я оказалась втянута в какую-то опасную игру, правила которой мне необходимо выяснить.

Вскоре вернулся Пон с подносом, на котором красовалась какая-то безвкусная серая каша и травяной чай. Есть совсем не хотелось, но я понимала, что мне нужны силы. Пон терпеливо кормил меня с ложечки, как маленького ребенка, и я чувствовала себя униженной и благодарной одновременно. После еды он начал какие-то простые упражнения: шевелил мои пальцы, сгибал руки и ноги. Каждое движение отзывалось болью, но я старалась не показывать этого.

Алекс и Борис все это время молча наблюдали за нами, стоя в углу комнаты. Их присутствие тяготило, но я старалась не обращать на них внимания. Когда Пон закончил, он посмотрел на меня с сочувствием.

– Не буду вас больше утомлять. Отдыхайте, – спокойно сказал он и вышел, оставив меня один на один с этими двумя опасными мужчинами.

Алекс бросил на меня быстрый взгляд и тоже вышел, плотно закрыв за собой дверь. Я почувствовала себя еще более беспомощной, чем раньше, потому что Борис просто стоял и в упор смотрел на меня нечитаемым взглядом. Под эти-

ми холодными и хищными глазами я была абсолютно беззащитной.

– Простите, я должна поблагодарить вас за оказанную помощь. Спасибо огромное, но все же хочу узнать, когда я могу созвониться с посольством моей страны? – тихо, но с ощутимой твердостью в голосе произнесла я.

– Это еще зачем? – с любопытством вскинул бровь Борис.

– Ну как же? Я хочу домой, – сказала я так, словно это было очевидно.

– Не думаю, что это возможно, – отрезал хозяин дома, и ледяной тон его слов заставил меня похолодеть. Что-то подсказывало, что этот мужчина возомнил себя вершителем моей судьбы.

– В каком смысле? – удивленно выдохнула я.

– В таком. У меня много вопросов к тебе, и я желаю получить на них ответы, – холодно прозвучало мне в ответ.

– Я готова, задавайте!

– Нет. Сначала окрепни, моя дорогая, – отрезал он и, резко развернувшись, направился к двери.

– Но я хочу домой, – успела бросить ему в спину, надеясь, что это его остановит.

– Много чего хочется и мне, – проскрежетал рык из-за двери, как ржавый засов, забывший вкус смазки.

Сна не было ни в одном глазу. Я лежала, уставившись в потолок, и пыталась понять, что мне делать дальше. Нужно было бежать, но куда? Я была инвалидом, на частном ост-

рове, в окружении незнакомцев. Все казалось безнадежным. Но я не собиралась сдаваться. Воспоминания о муже, о его предательстве, о моей почти свершившейся смерти, давали мне силы. Он хотел избавиться от меня, но я выжила. И теперь я должна бороться за свою жизнь.

Закрыла глаза и попыталась представить, как выглядел этот остров, как можно сбежать с него. Но мои мысли путались, воспоминания смешивались с галлюцинациями. Вскоре я провалилась в беспокойный сон, наполненный кошмарами о яхте, крови и морской воде.

ГЛАВА 9

За этот почти месяц реабилитации я постигла истин больше, чем за всю предшествующую жизнь. Пон, мой ангел-хранитель, воплощенный сразу в докторе и сиделке, с ангельским терпением день за днем возвращал меня к жизни: упражнения, массаж, лекарства, уколы... Я, беспомощная, всецело доверилась его заботе. Другого выхода, собственно, у меня и не было. Сначала он кормил меня с ложечки, а теперь я уже могла и сама, нетвердой походкой пьяного, передвигаться по комнате, цепляясь за мебель, словно утопающий за соломинку.

Несколько дней назад Борис исчез из моей жизни так же внезапно, как и возник – после той оглушительной сцены, где мы, сорвав голоса, обрушили друг на друга всю накопившуюся злость. Этот наглец возомнил себя хозяином и попытался затащить меня на руках в душ! Вот тогда мое терпение и иссякло.

– Нет! Лучше пристрелите меня, и дело с концом. Либо я сама, либо буду лежать грязной и вонючей, но к вашим прикосновениям я не готова! – выдохнула я, едва переводя дух. – Этого не будет никогда!

– Надо же, какая гордая! Еще не встречал столь наглых должниц, – усмехнулся он, пытаясь подхватить меня на руки. – Ты будешь делать все, что я прикажу. Поняла? За тобой

долг, который отработать и жизни не хватит.

– Не-е-ет! – взмолилась я, извиваясь от пронзительной боли. – Лучше смерть!

– Да что с тобой такое? Тебя помыть нужно! Тебе что, в грязи кайфово? Что ты тут цирк устроила? – взревел Борис, сотрясая стены своим гневом. – Смирись! Я все равно сделаю, как считаю нужным!

– Нет. Никогда. Либо я сама, либо никак, – отрезала я, отталкивая его руки. – И в долг я ничего не просила, значит, и отрабатывать мне нечего. Прекратите сейчас же!

– Сколько раз тебе повторять, чтоб ты мне не выкала? Тебя так приложило головой, что ты элементарной просьбы не можешь запомнить? – негодовал Борис, пытаясь меня удержать. – А про долг мы еще посчитаемся!

– Это подло! – процедила я сквозь зубы и отвернулась к окну, за которым лил тропический утренний дождь, видимо, оплакивая мою участь. – Насколько нужно быть бесчувственным, чтобы такое говорить?! Оставьте меня! Мне нужен телефон или интернет! Я хочу домой!

– Оставь ее в покое! Она же сейчас захлебнется в истерике. Ей нельзя нервничать! – воскликнул Пон, врываясь в мою комнату.

Не выдержав нашей словесной перепалки, Борис покинул комнату, хлопнув дверью. И тогда, мобилизовав остатки воли, я с нечеловеческими усилиями перебралась в инвалидное кресло и отправилась на процедуру в душ.

Всё давалось с невероятным трудом. После этой проклятой черепно-мозговой травмы голова кружилась, словно на бешеном аттракционе, то погружая меня в состояние полной отрешенности, то обрушивая волну изматывающей слабости, что казалось, будто я собираю свои разлетающиеся вдребезги мозги обратно в черепную коробку.

Пон, не говоря ни слова, помогал мне перебираться в душевую кабину, бережно подставлял руки, чтобы я не упала. Он настраивал воду и молча выходил, оставляя меня наедине со своими страхами и беспомощностью. Струи воды скользили по моему телу, смывая грязь и усталость, но не в силах стереть воспоминания.

Закончив водные процедуры и кутаясь в чистый халат, я возвращалась в комнату в своем верном кресле. Мысли постоянно крутились в голове. Кто же он, этот Борис? Что ему нужно от меня? Какое право он имеет так бесцеремонно распоряжаться моей жизнью? И что это за долг, который я должна отработать? Вопросы терзали душу, требуя ответов. Я должна узнать правду, чего бы мне это ни стоило. Только вот, казалось, в этом доме все сговорились молчать. На любой мой вопрос Пон лишь отводил глаза, прячась за непроницаемой стеной молчания.

Сегодня во мне проснулась едва уловимая искра надежды, и я решила предпринять отчаянную попытку – найти хоть какой-то намек на связь с внешним миром. Медленно, но упорно, я принялась обыскивать каждый уголок сво-

ей комнаты, а затем и следующих комнат на этаже, заглядывая в ящики, ощупывая полки, прилагая невероятные усилия, чтобы удержаться на ногах. Увы, тщетно. Весь этаж казался неприступной крепостью, надежно отрезавшей меня от внешнего мира.

Разочарование пронзило сознание. Неужели я действительно обречена на полную изоляцию? Но сдаваться я была не намерена. Во мне зрел дерзкий план. Если удастся найти лодку, я попытаюсь сбежать. Они ведь должны как-то связываться с материком, а там... там я доберусь до посольства моей страны. Пусть это безумная, отчаянная идея, но другого выхода я не вижу. Я должна вернуться домой и узнать, что же на самом деле произошло.

Вечером Пон принес ужин. Он был как всегда молчалив и заботлив. Я сделала вид, что ем, а сама лихорадочно сообщала, как завести разговор.

– Пон, – произнесла я, стараясь, чтобы мой голос звучал спокойно, – я хотела бы узнать, где я нахожусь.

Его лицо оставалось непроницаемым.

– Тебе Борис все расскажет, как только вернется, – ответил он, глядя в сторону. – Нужно набраться терпения. Готовься, сейчас вернусь и будем делать массаж.

Я перевернулась на живот в ожидании его, и, должно быть, убаюканная расслабляющим чаем, провалилась в дрему. В полумгле почувствовала, как нежные, масляные руки скользнули по моим ногам. Приоткрыв глаза, я почти про-

мяукала от блаженства:

– Это так приятно... Кажется, чувствительность почти вернулась.

– Мхм, – отозвался мой доктор, по всей видимости, соглашаясь.

– Спать хочу, – прошептала я, утопая в приятной неге.

– Мхм, – подтвердил доктор, и я окончательно отдалась расслаблению.

Сознание вернулось ко мне рывком, будто я вынырнула из омута собственного кайфа в ледяную воду, когда мужские руки нежно и неожиданно скользнули по внутренней стороне моих бедер, нагло и похотливо проникая под кружево трусиков. Будто электрический разряд пронзил все тело, выбивая из меня дух. Глаза распахнулись, в ужасе устремляясь на склонившееся надо мной лицо. Не Пон! В вечернем полумраке комнаты отчетливо проступил хищный оскал Бориса. Моя ярость вскипела мгновенно, обжигая страх и повергая меня в ошеломление до заикания.

– Да что... вы себе... позволяете?! Уберите... сейчас же... свои руки! – прошипела я, отчаянно пытаюсь оттолкнуть его, но тщетно.

Обессиленное тело отказывалось мне повиноваться, а его хватка была стальной, как капкан. Силки! Мужские пальцы совершенно неожиданно ласкали нижнюю точку до восторга, до дрожи по всему телу. При этом вторая рука уверенно сжимала мои волосы на затылке, массируя его. При всем

желании я не могла пошевелиться, потому что могучее мужское тело широко накрыло меня собой, а его колено бесцеремонно вклинилось и развело мои ноги. Собственно, меня зафиксировали так, что пошевелиться я и не могла, при всем желании.

– Расслабься, малышка, – промурлыкал Борис, обжигая кожу шеи жаркими поцелуями. – Я решил немного ускорить твоё выздоровление. Слишком долго ждал.

Отвращение захлестнуло, как ледяная волна. Я извивалась, пытаясь вырваться, но он лишь туже сжимал меня в своих силках. Его поцелуи становились все более настойчивыми, требовательными и безапелляционными. Утробный то ли рык, то ли грозное мычание зверя, перекатывалось по воздуху в комнате. Его пальцы настойчиво размазывали мою предательскую влагу между ног.

– Прекрати! Я закричу! – прохрипела я, собирая последние крохи своей воли.

Борис отстранился, и на его губах заиграла хищная усмешка, а во взгляде застыло нечто... невообразимо собственническое, первобытное, словно он видел меня насквозь. Ощущение этого взгляда жгло кожу и почему-то манило, вызывая странное томление. Глаза скользнули по его обнаженному торсу, где отчетливо перекатывались мышцы, выточенные, как у античного бога. В горле пересохло. Такого я никогда не видела... никогда не чувствовала. А он, беспощадный, продолжал немислимо правильные движения сво-

ими пальцами, заставляя меня против воли издать протяжный стон, который я тут же попыталась заглушить. Это я? Нет! Не может быть!

— Здесь твои крики — лучшая музыка для моих ушей. Запомни это, киска, — тихо, но властно произнес он, жадно осматривая меня, как желанную добычу к ужину.

Тело предательски откликалось на каждое его прикосновение, разум отчаянно сопротивлялся. Я ненавидела себя за эту слабость, за эту искру влечения, что вспыхнула вопреки моей воле. Безумный коктейль из страха, возмущения и... желания — парализовал меня. Я хотела кричать, вырываться, но губы лишь приоткрылись в немом стоне. Он видел это. Наслаждался моей борьбой и капитуляцией тела.

Борис наклонился ближе, обжигая кожу шеи горячим дыханием. Губы коснулись мочки уха, вызывая дрожь, прокашившуюся по всему телу. Его пальцы творили нечто невообразимое, пробуждая такие чувства, о существовании которых я даже не подозревала. Мой муж, этот предатель, был первым и единственным мужчиной в моей жизни, но он никогда не вызывал во мне подобной бури. Да и разве мог он знать, как, словно скульптор, обходиться с моим телом так, как это делал сейчас этот во всех отношениях опытный хищник, терзая мои соски своими губами и захватывая всю меня.

Его губы переместились на ключицу, оставляя за собой дорожку огня. Я чувствовала, как контроль ускользает, как разум уступает место первобытным инстинктам. Хотела от-

толкнуть его, воспротивиться, но вместо этого мои руки, как обезумевшие, вцепились в его плечи, ища опору в этой безумной близости. Импульсы, жаркие и неистовые, прожигали мое тело насквозь. Неведомая волна накрывала, сминая последние остатки воли. Я тонула в этом, не зная и не чувствуя никогда прежде подобной бури...

Борис оторвался от моей шеи и посмотрел в глаза. В этом взгляде не было ни капли раскаяния или сомнения, лишь торжество охотника, заполучившего свою добычу. Он знал, что сломил меня, что я больше не в силах сопротивляться. И это знание, эта власть над моей волей, пьянили его. Взгляд его опасно потемнел, в глубине зрачков затаилось хищное, едва сдерживаемое желание. Шепот, горячий и такой влажный, как огненная лава, обжигал мои уши, стирая границы дозволенного. Каждое слово – удар, сокрушающий хрупкие барьеры моего самообладания. И какой же я оказалась душой, беспомощно тонущей в омуте этого чарующего голоса? Видимо, остатки разума окончательно покинули меня, когда я получила по голове.

– Девочка моя, ты как кипяток зажатый во льдах. Пламя, закутанное в хрусталь. Вижу тебя – и кровь кипит, мысли несутся в единственном направлении. Я растоплю этот лед, и ты будешь сутками гореть в моих руках, – беспощадным шепотом опалило мою кожу, и его губы накрыли мои, требуя полного подчинения.

Я попыталась отвернуться, но он не позволил. Его паль-

цы крепко сжали мой подбородок, заставляя смотреть ему в глаза, где бушевал огонь – неудержимый и всепоглощающий, как и то желание, что терзало меня изнутри. Мужские жесткие губы накрыли мои, грубо и требовательно. Я попыталась отстраниться, но он лишь сильнее прижал к себе, углубляя поцелуй. Его язык проник в мой рот, исследуя каждый уголок, дразня и соблазняя. И я сдалась. Позволила себе раствориться в этом безумии, в этой страсти, что охватила целиком и полностью. Потому что умелые пальцы в этот момент вошли в меня, пробуждая дремлющий вулкан, грозящий сжигающим взрывом.

В этот момент я перестала быть собой. Я превратилась в сосуд, наполненный одним лишь первобытным желанием, жаждущим его прикосновений, его губ, его тела. Я знала, что после этого я уже никогда не буду прежней, потому что ничего подобного никогда не испытывала. А этот хищник вдыхал аромат моей шеи на артерии и рычал, как дикий, нашедший свою добычу зверь.

– Посмотри на меня, – тихо и требовательно приказал Борис. – Хочу видеть твои прекрасные глаза.

Я повернулась, и оглушительная волна наслаждения взорвалась во мне, сметая все на своем пути. С надрывным стоном я дернулась в его жилистых руках, но он продолжал властно удерживать меня, не давая утихнуть этой волне, прокатывающейся по всему телу до кончиков пальцев ног. Казалось, я парю в невесомости, выгнувшись в дугу, а сознание

растворилось в эйфории моего безумного полета. Перейдя черту чувственного восторга, за гранью стонов и собственных хрипов, я затихла в его ужасающе надежных объятиях.

– Вот так, моя девочка, – нежно выдохнул он мне на ухо. – Ты редкое лакомство! Единственное! Обжигающая и голодная. Моя!

Я лежала, тяжело дыша, пытаюсь прийти в себя. В комнате повисла звенящая тишина, нарушаемая лишь моим сбивчивым дыханием. Борис нависал надо мной, изучал пронзительным взглядом, где не было ни раскаяния, ни смущения – лишь торжество хищника, завладевшего чем-то вкусным, желанным и доселе недостижимым.

– Теперь ты знаешь, чего хочешь на самом деле, – прошептал он, и в его голосе звучала неприкрытая насмешка. – Не обманывай себя, малыш. Я всегда буду рядом и мы на «ты». А теперь мне срочно нужен ледяной душ! Тебе еще рано такое проходить!

С этими словами он встал, развернулся и вышел из комнаты, оставив меня в полном раздрае. Лежа на смятой простыне, я чувствовала себя невероятно похотливой, сломленной и униженной, получающей от всего этого еще и удовольствие. Но где-то глубоко внутри, помимо отвращения, поселилось и необъяснимое чувство вины. Вины за то, что мое тело предало меня, за то, что я почувствовала то, что не должна была.

И самое страшное – так это то, что я, казалось бы, взрос-

лая женщина, до этого момента даже не подозревала о существовании подобной манящей бездны. И как прекрасно же я умудрилась выйти замуж! Оказывается, главного удовольствия меня лишали, зато сполна надавали по голове. Меня прорвало истерическим смехом. Видимо, реально мозги поплыли!

Где-то в глубине души, вопреки всему, тлел уголек стыда и удовольствия за то, что прикосновения этого монстра пробудили во мне то, чего не смог разжечь муж. Это открытие было как удар под дых – болезненный и обезоруживающий. Воспоминания о произошедшем всплывали в голове, раз за разом обжигая кожу.

Необходимо было взять себя в руки, собраться с мыслями и понять, как жить дальше. Я не могла рассказать Пону о том, что произошло здесь. Никому не могла! Но и делать вид, что ничего не произошло тоже не могла. Но как? Как забыть его слова, его прикосновения? Как вычеркнуть из памяти такое...? Борис был для меня почти врагом, воплощением неизвестности, но он же стал и зеркалом, отразившим мою собственную уязвимость, мою собственную потаенную страсть. И этот факт пугал меня больше всего.

ГЛАВА 10

Первое утро без боли разворачивалось во всем своем ослепительном великолепии. Настроение у меня было превосходное. Впервые за долгое время я не видела ужасающих снов, а просто провалилась в сон и открыла глаза только когда рассвело.

Пон, неслышной тенью скользнул в мою комнату, и подкатил на сервировочном столике завтрак. И вот, как всегда, в полном уединении, я сидела на балконе, прилегающем к комнате, и неспешно вкушала овсяную кашу с фруктами, а взглядом ласкала уже до боли знакомые очертания чужой территории.

Казалось, я выучила здесь каждый метр земли, каждую травинку. Легкий, солоноватый морской бриз играючи показывал зеленые макушки пальм, а вдалеке волны лениво накачивали на белоснежный песок, рассыпаясь мириадами брызг под лучами восходящего солнца.

– Вижу, ты почти оклемалась. Как самочувствие? – многозначительно протянул Борис, обходя стол и вторгаясь в личное пространство.

– Вашими молитвами, – огрызнулась я, ощущая, как настроение стремительно катится вниз.

– Хочу тебя предупредить, что с этого момента на каждое твое «вы» я буду брать тебя там, где застану, и даже силой,

– прошептал он прямо в ухо, обжигая кожу горячим дыханием, отчего я невольно отпрянула. – А так как я ооочень соскучился, то прошу, дай мне повод.

Его слова, как ледяной душ, окатили меня. Все утреннее блаженство мгновенно испарилось, оставив после себя лишь неприятный осадок страха. Я ненавидела его за это. Ненавидела за власть, которую он имел здесь, за то, что мог так просто разрушить мой хрупкий мир, который я с таким трудом создавала вокруг себя в полной неизвестности будущего.

Собрав остатки самообладания, я постаралась сохранить невозмутимый вид, молча сжала кулаки под столом. Хотелось кричать, бросаться предметами, выцарапать ему глаза. Но я знала, что это бесполезно. Любая попытка сопротивления лишь разозлит его еще больше. Поэтому я просто смотрела на него, стараясь не выдать ни одной эмоции. Борис, видимо, наслаждался моим молчанием.

– Нам необходимо серьезно поговорить, – мой голос прозвучал твердо, будто высеченный из камня, но я решила раз и навсегда расставить все точки над «i». – В этом ты права, – отозвался он, усаживаясь напротив. В глазах Бориса плясали опасные огоньки. – Я весь внимание.

– Что именно вы... ой... ты хочешь услышать? – спросила я, чувствуя, как внутри зарождается ледяной страх, когда его хищный похотливый взгляд метнулся в меня на случайно произнесенном «вы».

– Как что? Почему эта гнида, обокравшая меня, решила

отправить тебя на тот свет, и куда он пропал вместе со своим дружкой? – Борис растянул слова, будто смакуя их вкус.

Сердце бешено колотилось, готовое выпрыгнуть из груди. Мир вокруг поплыл, и я судорожно вцепилась в край стола, чтобы не упасть в обморок. Я потеряла дар речи. Мир качнулся, и земля ушла из-под ног. Хорошо, что я сидела. Неужели мой бывший муж, Стас, и этот ослепительно красивый, неимоверно богатый и уверенный в себе мужчина, восседающий сейчас передо мной, – знакомы? Эта мысль пронзила мозг, который реально отказывался в это верить.

А что я вообще знала о судьбе Стаса после покушения на меня? Сон... Какая нелепость! Да меня в психушку упекут, если я всерьез расскажу о том, как видела его гибель вместе с напарником в древнем склепе во время своей комы! В лучшем случае, если удача улыбнется, этот циничный Борис лишь рассмеется над моим рассказом. Впрочем, скорее всего, все же психушка. Нет, лучше буду молчать.

Безмолвная инвалидность и моя вынужденная изоляция в этом доме научили: здесь далеко не все ангелы, и видимая чистота этой роскоши весьма обманчива. Обрывки фраз, выхваченные мною из разговоров между Алексом и Борисом, складывались для меня в один зловещий пазл: меньше знаешь – целее будешь. Каждое их слово в телефонных разговорах намекало на нечто темное и опасное. Я уж не говорю о том, что прекрасно видела с балкона, как Алекс уже несколько дней проходит лечение у Пона и скрывает какую-то рану

в левом боку.

Видимо, оба этих мужчины, которые якобы спасли меня, вращались в мутном омуте криминального мира, где торговали не просто реликвиями и древними артефактами, а, как я с ужасом подозревала, и чем-то большим. Одним словом, мне не нравилось ничего из того, что я случайно успела услышать и увидеть в этом доме. И вот непонятно было лишь одно – почему они позволили мне это узнать?

– А вы со Стасом были знакомы? – прошептала я, с трудом ворочая языком.

– О, поверь, моя дорогая, я знаю о тебе и твоём муженьке гораздо больше, чем ты думаешь, – усмехнулся Борис, наблюдая за моей реакцией. – И поверь, я очень зол. Зол на Стаса за то, что он попытался избавиться от тебя таким грязным способом, и зол на себя, что чуть не потерял такую... интересную игрушку. Ещё когда увидел твоё дело, подумал, не плохо бы нам познакомиться поближе. Ты прекрасный теоретик-специалист, а я – то же самое, но практик. Мы дополняем друг друга.

Внутри меня все перевернулось, когда я услышала, что у него на меня целое дело. Вот это номер! Кто я такая, чтобы на меня заводили личное дело в криминальных кругах? Я не понимала, что происходит и почему Борис так заинтересован в моей жизни. «Игрушка»... Ну круто, могу себя поздравить! Ещё мне этого не хватало, в моей итак катящейся под откос жизни! Слово резануло, как смачная такая поще-

чина. Но в то же время в его словах чувствовалась какая-то искренность, какая-то... забота? Нет, это невозможно. Борис – хищник, и забота – это не про него.

– Я не знаю, о чем ты говоришь, – пробормотала я, пытаюсь хоть как-то восстановить контроль над ситуацией. – Стас, конечно, предатель, и я мало что знаю о его профессиональной деятельности. Но теперь понимаю, что и не хочу знать ни о нем, ни о том, что вас связывает...

– Так смело мне это говоришь? – перебил Борис, с прищуром глядя на меня. – Ты действительно так наивна, или просто пытаешься убедить себя в обратном? Поверь, Стас способен на многое, особенно когда на кону стоят большие деньги. И ты, моя дорогая, стала для него очень большой проблемой. Так что лучше тебе знать, что я буду рядом. Но только пока ты мне интересна. А теперь рассказывай, почему он решил тебя убить?

– Спасибо за правду, но я действительно ничего не знаю, – прошептала я, чувствуя, как кровь отливает от лица. – Стас исчез из моей жизни, как только нанес мне удар и скинул в море. После мы не общались. И тебе это хорошо известно. Я в принципе отрезана от внешнего мира.

Борис прищурился, изучая меня пронзительным взглядом. Казалось, он рентгеном просвечивает мою душу, выискивая там ложь. Я старалась смотреть прямо в глаза, не отводя взгляда, хотя внутри все дрожало от страха.

– Не лги мне, Софьюшка, – прорычал он, подавшись впе-

ред. Его дыхание опалило щеку. – Я нутром чую, ты что-то скрываешь. Зачем? Неужели так любишь его, что готова простить даже такое предательство?

Я молчала, раздавленная между правдой и ложью. Правду Борис отметет, как бред моего воспаленного сознания. Ложь... он выпьет ее до дна, смакуя каждое слово с недоверчивой усмешкой. Я никогда не умела лгать – проклятое наследство моей честности и прямоты. Никудышная из меня актриса. И вот она – ловушка, стальные челюсти которой сомкнулись вокруг меня. И как очередной приговор, на стол упала фотография.

– Кто этот щенок? – прошипел Борис, сверкнув на меня сталью глаз и тут же отводя взгляд к горизонту, где море сливалось с чистым небом.

Я впилась взглядом в лист формата А4, и немой крик застыл у меня в горле. Леонид. Запечатленный в тот самый момент, когда он, обезумев от наваждения, насильно целовал меня у лагеря раскопок, незадолго до моего падения в гробницу. Как это возможно? Кто-то прокрался в ту ночь неподалеку, заснял эту сцену признания и грубого поцелуя? Зачем?

– Откуда это у ва... тебя? – пролепетала я, цепляясь за этот хрупкий обломок надежды.

Борис откинулся на спинку кресла, задумчиво поглаживая подбородок. В его глазах вспыхнула зловещая тень, от которой по моей спине пробежал табун ледяных мурашек.

– Я же говорил тебе, что знаю больше, чем ты думаешь. А

теперь я хочу услышать твою версию. Кто этот сопляк? – с раздражением, сквозящим в сжатых губах, процедил Борис.

– Это Леонид. Мой студент. Староста группы, которую я сопровождала на практику, – стараясь обуздать панику, ответила я ровным тоном.

– Хм. И часто твои студенты позволяют себе такие вольности? – презрительно бросил Борис.

– Это уже переходит все границы! – вскочила я, отталкивая стул. – Да как вы смеее так со мной разговаривать?!

Борис резко вскочил следом, одним стремительным движением схватил меня за руку и притянул к себе. Мое тело отозвалось предательским дрожанием на его прикосновение.

– Не смей повышать на меня голос, – прорычал он, сжимая мою руку так, что побелели костяшки. – Я смею, и еще как в праве задавать эти вопросы!

Я попыталась вырваться, но его хватка была железной. Его ярость смешалась с моим бессилием, и слезы навернулись на глаза.

– Я вам ничего не должна! – выкрикнула я, задыхаясь от обиды. – Я не просила меня спасать!

Борис усмехнулся, и в его глазах мелькнула какая-то странная, почти болезненная искра. Неожиданно он отпустил мою руку и прикоснулся к лицу, большим пальцем нежно стирая слезу.

– Глупая, – прошептал он, а в его голосе прозвучало что-то новое, непривычное. – Ты даже не представляешь, что

значишь...

Затем, не давая мне опомниться, он наклонился и коснулся моих губ. Сначала неуверенно, как будто исследуя меня, а затем все настойчивее и требовательнее. Я попыталась отстраниться, но его руки обвили мою талию, прижимая к себе. В голове вспыхнула буря противоречивых чувств: смятение, страх, но... и что-то еще. Что-то темное и соблазнительное, что заставляло с этим мужчиной забыть обо всем на свете.

Его губы двигались уверенно и властно, забирая мой самоконтроль. Я знала, что должна остановиться, но ноги будто приросли к полу. И вот я уже отвечаю на его поцелуй, увязнув в нем, тону...

Одним молниеносным движением Борис поднял меня на руки. Он нес, как пушинку, а я, испуганная, лишь судорожно пыталась ухватиться за ускользающие остатки своего разума. Все протестовало во мне – и разум, и гордость, и страх перед неизвестностью. Но тело, предавшее меня, отвечало на его прикосновения бурей нахлынувших ощущений и полным размягчением мозгов.

Он опустился вместе со мной на мягкий диван, стоявший в моей комнате. Сердце бешено колотилось в груди, грозясь вырваться наружу. Борис продолжал крепко удерживать в своих руках и смотреть, как смотрят победители. Его глаза, горевшие неистовым пламенем, будто гипнотизировали, лишили воли.

– Мы начнем с начала, – прошептал он, обжигая мой ви-

сок своим дыханием. – Кто этот юнец и почему он позволяет себе целовать тебя?

– Тогда он признался в любви, но я вынуждена была осадить его пыл. Объяснила, что я – преподаватель, а он – студент. Между нами не может быть ничего... – пролепетала я, будто оправдываясь.

– Губу он раскатал знатно, – хмыкнул Борис, в его голосе сквозила насмешка.

– Зачем за мной следили? Кто за этим стоит? И почему тебя так интересует Леонид? – спросила я тихо, но с вызовом в голосе.

– По моей просьбе слежку вели за всеми, кто был связан со Стасом. А этот сопляк меня интересует потому, что не должен путаться под ногами, – ответил Борис, все еще держа меня в объятиях.

– Юношеская влюбленность, не более того, – попыталась я отмахнуться. – Ребенок просто увлекся, запутался.

– Ребенок? Да этому «дитю» уже за двадцать! Он давно не ребенок, Соня, – с укором возразил Борис.

– Ерунда. Я не воспринимаю это всерьез. А вот зачем следили за мной, мне куда интереснее, – лукаво заметила я.

– Твой благоверный задолжал мне кругленькую сумму и решил скрыться. Поэтому под колпаком были все: и ты, и его любовница, и он сам, – отрезал Борис, отстраняясь от меня.

– Любовница?.. – прошептала, чувствуя, как ледяной ужас сковывает душу. – Не может быть.

Новость обрушилась на меня, как ушат ледяной воды. Я оцепенела. Столько раз читала в журналах, как жены переживают подобные вещи, но после покушения на меня ждать чего-то хорошего от Стаса уже не приходилось.

– Да это и не новость вовсе. Он даже ко мне с ней приезжал, – продолжил Борис, добивая меня. – Но вот что любопытно: после твоего возвращения с раскопок Стас связывался со мной. Торговался, предлагал купить редкие древние вещицы. Тебе что-нибудь об этом известно?

– Почему он просто не развелся со мной? Это гадко... – пробормотала я, пытаюсь встать, но сильные руки пресекли мою попытку. – Отпусти меня. Я ничего не знаю и знать не хочу. И, пожалуйста, отправь меня домой. Я устала от вас всех, – обреченно вздохнула, понимая, что попала в капкан, из которого не выбраться.

Медленно, играючи, дразня, он начал расстегивать пуговицы на моей блузке. Его пальцы двигались уверенно и умело, выдавая недюжий опыт этого мужчины. И вскоре ткань соскользнула на пол, обнажая мое дрожащее тело. Я попыталась закрыться руками, спрятаться от его взгляда, но он только усмехнулся, притягивая мои руки к себе.

– Не бойся, – прошептал он, обжигая мою шею горячими поцелуями. – Я не причиню тебе вреда... если ты сама этого не захочешь... и никогда не стесняйся меня, Софья.

– Отпусти, – твердо произнесла я, отворачиваясь от Бориса.

Он проигнорировал мою просьбу, продолжая осыпать поцелуями шею и плечи. Его губы скользили по коже, вызывая мурашки и странное, до боли знакомое, тепло. Я чувствовала, как таю под его взглядом, как сопротивление постепенно сходит на нет, уступая место животному влечению. Инстинкт выживания кричал об опасности. Взяв себя в руки, я отрешенно делала вид, что меня совершенно не волнует этот мужчина.

– Не играй со мной, Соня, – прорычал Борис, отстраняясь и глядя мне прямо в глаза. – Я получаю все, что захочу. И сейчас я хочу тебя.

Его слова прозвучали как приговор, как недвусмысленное предупреждение. Я понимала, что спорить бесполезно, сопротивляться – тем более. Что могу я, слабая женщина, на территории сильного мужчины? Ничего! Лучше сыграть по его правилам, притвориться покорной, чтобы выиграть время и найти выход из этой ловушки.

Глубоко вздохнула и позволила себе расслабиться в его руках, но при этом вела себя как немая и безвольная кукла. Он мгновенно все понял. Рывком поднялся, все еще держа меня на руках, а затем осторожно опустил на край дивана и, не обернувшись, вылетел из моей комнаты-темницы, бросив через плечо:

– Ты останешься здесь... пока я не найду его. Если он узнает, что ты жива, то обязательно захочет закончить начатое.

И вот тут до меня дошло. Вот почему я торчу здесь, в этой западне. Он ловит Стаса на живца. Я – приманка. Но я-то знаю... Мое видение не обманывает. Стас мертв, и покоится в древнем захоронении.

Осознание этого безумного плана, этой грязной игры должно было бы вызвать истерический смех, но вместо этого я разрыдалась. От обиды. За годы, бездарно потраченные рядом с мужем, за свою слепую доверчивость, за наивность, граничащую с тупостью. Да за всю эту чертову ситуацию, в конце концов!

ГЛАВА 11

Вертолетная «стрекоза» принесла женщину ближе к закату, но не заглушила ни на миг ее противный голосок. Гостя, красивая до ломоты в скулах, не умолкала, захлебываясь в собственном щебете и каком-то нарочитом, кукольном смехе. Она порхала между Борисом и Алексом, как мотылек над двумя лампами, и зрелище это вызывало скорее брезгливость, чем интерес. Впрочем, я была ей даже благодарна, так как это прибытие рассеяло мой туман над одним вопросом – теперь я знала, что за тем холмом скрывается вертолетная площадка.

За эти дни Алекс, разговорившись, обронил несколько фраз, из которых сложилась совсем иная картина жизни Стаса. Оказывается, он вел дела с ними, занимался поиском и сбытом древних находок. Все те годы, что мы провели вместе, он кормил меня ложью. И еще одно признание повергло меня в шок – именно Алекс следил за нами на островах. Он видел, как Стас выкинул меня за борт, и именно Алекс вытащил меня тогда, когда я уже была на грани смерти.

– Ты знаешь, наблюдая за вами, я как будто видел другого Стаса, – задумчиво произнес тогда Алекс. – Ты настолько чистая и правильная, что даже такой отморозок, как он, соблюдал твои границы и правила. Думаю, ему надоело ломать себя, и поэтому он...

– Нет. Он мог просто развестись со мной, Алекс. Я думаю, Стас хотел убрать меня, чтобы не делить имущество, – холодно прервала его я, сказав почти правду. Оно так и было: если захоронение, найденное мной, Стас считал нашим общим имуществом.

– А что там делить? Квартира, и так себе домик с землей в дачном поселке? Ради этого разве убивают? – удивленно спросил человек, который только что рассказывал мне о жестокости и цинизме моего бывшего мужа.

– Ну, ты сам утверждал, что Стас не обременял себя моральными принципами и практически не имел духовных ценностей, кроме двух вещей – деньги и эгоизм, – спокойно ответила я, глядя на горизонт. – А это, так себе ценности.

– Интересно, – произнес Алекс, цепким взглядом впиваясь в меня.

– Что именно? – недоумевая о причине его интереса, спросила я.

– Ты говоришь о нем в прошедшем времени. Если бы я лично не видел, как он скинул тебя за борт, и сам не вытащил тебя на этот свет, то мог бы подумать, что Стас пропал неспроста, а ты его грохнула, отомстив ему. Но ты все время была здесь, а он исчез через две недели после покушения на тебя, – с хитрым прищуром в глазах говорил Алекс, не отрывая от меня взгляда.

– Я говорю о нем так, потому что он – мое прошлое, – постаралась ответить я максимально равнодушно.

Этот разговор произошёл накануне и перерос в странные, полные подтекста ухаживания со стороны Алекса. То он едва касался моей руки – жест, казавшийся нарочито выверенным, и почти театральным. То на прогулке по тёплому песку и кромке моря пытался подхватить меня за талию, но каждый раз отстранялся, уловив колючий, осуждающий взгляд Бориса. Я видела, как в их безмолвном поединке взглядов идет скрытая дуэль, и это меня вовсе не забавляло – напротив, вызывало смутное беспокойство.

Мы втроём бродили по просторной территории тропической резиденции, выходя к морю и прогуливаясь вдоль побережья, но моя иррациональная боязнь воды не позволяла мне ступить в неё. Борис настаивал, что это нужно в себе преодолеть, а Алекс пару раз пытался подхватить меня на руки и унести в пенящиеся волны. Но мои панические крики были такими отчаянными, что он каждый раз отступал, неся меня назад на сушу. Тот ужас, что я пережила, теперь встал непреодолимой преградой между мной и морем, которое когда-то я так любила. Именно поэтому я искренне обрадовалась, узнав, что у этой уединённой территории есть вертолётное сообщение с внешним миром.

Сейчас я сидела на балконе, наблюдая за этим тщательно разыгранным фарсом. «Мотылек, мечущийся между двух огней»... Какое емкое определение для нее! Борис, с маской невозмутимости на лице, лишь изредка ронял сдержанный смешок в ответ на ее щебетание, а Алекс, казалось, изнывал

от желания поскорее вырваться из ее навязчивых объятий. Что ж, у каждого свои причуды. Мне же в этой циничной шахматной партии была уготована роль пешки – и, судя по всему, не самой дорогой. Борис знал, что я всё это вижу со своего балкона, и, казалось, даже наслаждался ситуацией.

Тот разговор с Алексом сорвал пелену с моих глаз, обнажив пугающую истину. Стас не просто погряз в долгах – он оказался затянут в трясину преступного мира по самую макушку. А я, наивная дура, слепо верила в его добропорядочность и честность. Но горше всего было осознание, что он жаждал моей смерти. Не банальный развод, не просто избавление от обузы – он планировал мое хладнокровное убийство.

Алекс, несмотря на свою неприглядную роль, вызывал во мне странную, почти необъяснимую симпатию. В глубине его глаз мерцали отблески сожаления, эхо вины за невольное участие в этой грязной, омерзительной игре. И все же, этот красивый мужчина был мне приятен. На вид – не больше тридцати пяти. Спортивное, отточенное тренировками тело, тронутое легким загаром, выгодно подчеркивало резкие линии его лица и пряди темно-русых волос. Он всегда был сдержан и немногословен. Не знаю, как ему это удавалось, но эта абсолютная уверенность действовала на меня ошеломительно.

Но главной загадкой для меня оставался Борис. Его мотивы было невозможно понять, а сила и власть были неоспори-

мы. Это читалось во всем его облике, в каждом неторопливом движении, в каждом слове или взгляде. Здесь все и всё зависело от него.

Он вел свою игру, используя меня как приманку, но что скрывалось в его замыслах? Меня сильно пугало что-то, отражающееся в странном блеске его глаз, когда он говорил обо мне. Только я уже не была той наивной девчонкой, готовой поверить в любовь и прочую сентиментальную чепуху. Мой бывший муж с такой жестокостью сорвал с меня розовые очки, что я в принципе не собиралась больше безоглядно доверять мужчинам. А уж о доверии Борису не могло быть и речи.

Темная ночь опустилась на дом, окутывая его абсолютной тишиной. Гости, как положено всем мотылькам, упорхнула вглубь дома, оставив после себя густой, приторный шлейф духов. Борис и Алекс последовали за ней, и вскоре все стихло. Я тихо спустилась в библиотеку, в этот храм знаний, которым мне любезно разрешили пользоваться.

Вчера, мимолетно скользнув взглядом по полкам, я заметила аккуратный отдельностоящий стеллаж с древними легендами. В принципе, у Бориса царил удивительный хаос в библиотеке. Каждая книга, каждый документ был подписан годом его приобретения, как трофей, а не источник мудрости своего времени. Из-за этой странной систематизации разобраться в сути старых томов было крайне трудно. И лишь древние сказания народов мира носили лаконичную

пометку выведенную его рукой на вывеске: «Сказки мира». Уже то, что хозяин дома причислял мифы и легенды к разряду сказок, укрепило меня в решении не рассказывать о найденном захоронении со странным кристаллом. Теперь я была уверена: Борис просто высмеет мои видения.

Взойдя на приставную деревянную лестницу, я принялась изучать корешки древних книг, от которых веяло затхлостью и вековой пылью, несмотря на то, что они явно были ухоженными. Пальцы, боясь потревожить дремлющие истории, с опаской касались потрескавшейся кожи переплетов. Взгляд упал на увесистый том с полустёртым золотым тиснением, на котором узнавался знакомый мне символ.

– Не может быть! – прошептала я, вспоминая, что именно этот знак был запечатлен на надгробных плитах в захоронении.

Спустившись вниз, я устроилась за массивным столом, надела тонкие перчатки и, затаив дыхание, принялась открывать страницу за страницей. Под шорох ветхих листов, рассматривая поблекшие рисунки и символы, я погрузилась в мир богов и героев, потоков и великих царей. Строка за строкой, страница за страницей, передо мной разворачивались картины ритуалов и магических обрядов, запечатленных в тратовках древних народов. В памяти всплывали обрывки собственных видений: странные знаки, вырезанные на стенах древней гробницы, клинки разных размеров, разложенные там же, но главное, странные украшения с нанесе-

ными на них символами.

Неожиданно прямо над моей головой разверзлись врата чувственности. Истошный женский стон, сорвался с потолка на меня: «Борис, останься!», переходящий в хриплое, измученное наслаждением «еще... да...». Смачные шлепки, как удары хлыста, обрушились на мои уши, обдавая своим зно-ем. Невольно я стала свидетельницей довольно громкой близости, разворачивающейся этажом выше, где он укрылся с гостьей—мотыльком.

Щеки мои обожгло жаром стыда и злости. Я замерла, как загнанный зверь, боясь спугнуть эту вакханалию, боясь издать хоть звук. Сердце колотилось в бешеном ритме, казалось, звуки их игрищ эхом разносятся по всему дому. В моей голове пульсировала навязчивая мысль: как я, ученый, посвятившая жизнь высоким материям, оказалась в эпицентре этой пошлой комедии? Всего лишь хотела тишины и покоя для себя! И вот, пожалуйста – пикантное представление в прямом эфире, прямо над моей головой.

Медленно, крадучись, стараясь не издать ни звука, я повернулась спиной к этому вертепу и попыталась вернуться к своему занятию. Но в голове, как назойливые мошки, роились обрывки ее криков и стонов, смешиваясь с моими научными мыслями и жгучей тупой болью, терзавшей грудь от злости. Отвращение к происходящему душило меня. Неужели женщины находят в нем что-то привлекательное? Что-то, кроме этой грубой, животной силы, этого похотливого напо-

ра?

Решив переждать, пока эта буря страстей не утихнет, я вновь погрузилась в мир, заключенный на страницах интересующей книги. И внезапно мое внимание привлекла глава, посвященная легенде о «Небесной Деве» и ее трагическому путешествию в наш мир. В ней повествовалось об истинной любви, вспыхнувшей между дочерью небесных богов и сыном земного правителя. Любви, не благословленной родителями, что вынудило юных возлюбленных удалиться, и создать свое собственное царство.

Здесь же находилось описание её небесного артефакта, чья немыслимая мощь грозила истреблением всякой жизни, дерзнувшей приблизиться к нему. От этой информации мороз пробежал по коже. Сердце бешено заколотилось в груди, когда мой взгляд выхватил на одной из страниц рисунок: зеленоватый кристалл, источающий сияние, в сопровождении древних символов. Легенда гласила, что после смерти души владельцев Вечного Камня обретали свое пристанище в его таинственной глубине. Это и была цена владения им. При этом здесь же упоминалось, что Вечный Камень является для достойных вратами в иной мир, отличный от любого другого.

Все больше деталей сплетались в жуткую картину, являя мне ужасающую мозаику того, что именно я случайно обнаружила под холмом. Как ученый, я, конечно, не могла всецело разделить суеверный ужас древних и темных народов пе-

ред неведомым. Но даже я, рациональный исследователь, воочию убедилась в смертоносном потенциале этого артефакта, что заставляло леденеть мою кровь в жилах.

— Значит, это правда, — шепотом произнесла я, всматриваясь в непроглядную тьму за окном. — Это нельзя трогать. Ни в коем случае. Никогда. Это жутко опасно. Нужно валить отсюда, и так тихо и быстро, как это только возможно. И забыть. Навсегда все забыть.

Я продолжала рассматривать поблекшие страницы, впитывая каждое древнее слово, каждый символ. Мир легенд вдруг обрел реальность, переплетаясь с моей собственной, полной тайн и опасностей, историей. Небесная Дева... Кристалл... Захоронение... Все это складывалось в единое целое, предупреждая об немыслимой опасности, скрытой в глубине веков. Чувство моей тревоги нарастало, подобно надвигающейся буре. Интуиция кричала, что я стою на пороге открытия, которое может изменить все. Но лучшее что я могу сделать, так это не трогать тайну веков.

Поддавшись внезапному порыву, я вернулась к стеллажу и начала внимательно изучать полки, одну за другой, пока не нашла то, что искала: неприметную книгу в кожаном переплете, небрежно задвинутую в самый угол. На обложке не было никаких надписей, лишь едва заметный след печати, похожий на тот символ, увиденный мною в древней книге. Открыв ее, я с удивлением смотрела на драный лист с картой. Нечеткую, выполненную вручную, с указанием координат.

нат и странными пометками на незнакомом мне языке. Но одно было ясно – карта указывала почти на местоположение того самого захоронения, но с довольно большой погрешностью.

Внезапный шорох заставил меня вздрогнуть и захлопнуть книгу. Сердце бешено колотилось в груди. Я обернулась и увидела Бориса, стоявшего в дверях библиотеки. В полумраке его лицо казалось еще более непроницаемым, а глаза мерцали странным, нечитаемым светом. А наверху также непрерывно продолжалась оргия с криками и шлепками.

– Не спится? – спросил он, медленно приближаясь ко мне. Его голос звучал мягко, почти ласково, но я чувствовала, как по моей спине пробегает холодок. – Что интересного ты нашла в моих старых сказках?

Я попыталась скрыть волнение, но знала, что он видит меня насквозь. В его глазах читалось что-то... тревожное. Что-то, что заставляло меня ощетиниться, подобно загнанному в угол зверьку. Игра началась, и ставки в ней были выше, чем я могла себе представить.

ГЛАВА 12

– Изучала библиотеку, – ответила я, стараясь придать голосу невозмутимость, хотя внутри бушевал шторм. – У вас здесь восхитительная коллекция. Не подозревала о вашем интересе к древним легендам.

Борис усмехнулся, медленно сокращая расстояние между нами. Он двигался плавно и в то же время хищно, как-то по-кошачьи, напоминая мне льва на охоте. Тягучий, удушливый запах похоти, исходящий от него, казалось, поддерживался звуками, доносящимися из комнаты наверху. Он двигался так медленно и так уверенно, что по моим коленям пробежала дрожь. Опасностью от него не просто веяло, а прямо разило наповал.

– Легенды – это всего лишь красивая ложь, не правда ли? Но порой в них скрыты весьма любопытные детали, которые на практике оказываются полезными. Что именно в моих пыльных сказках затронуло твоё воображение? – промурлыкал он, невесомо коснувшись моих волос и небрежно заправив их за ухо.

Адреналин хлынул в кровь обжигающей волной. Нужно было тянуть время, выиграть несколько драгоценных минут, чтобы оценить, насколько я влипла.

– У вас тут интересное предание о Небесной Деве, – произнесла я, стараясь смотреть ему прямо в глаза. – Меня тро-

нула трагическая красота этой наивной истории.

Лгала! Бесстыжая, отчаянная ложь, призванная похоронить мои истинные причины интереса. Тень промелькнула на его лице, взгляд, скользивший по мне, на мгновение помутнел. Мимолетное затмение, но я успела его заметить.

– Вот ты и дала мне повод, малышка, – прошептал он, опасно склоняясь надо мной.

Его слова повисли в спертom воздухе, как дамоклов меч, как приговор, готовый обрушиться на меня в любую секунду. Я инстинктивно отшатнулась, прижавшись к прохладной поверхности стола. Холод дерева болезненно напомнил о моей уязвимости в этом роскошном, опасном доме. Борис навис надо мной, сократив расстояние до опасного минимума. Кровь гулко стучала в висках, во рту всё пересохло.

– Я пойду спать, – попыталась выдавить из себя, стараясь сохранить хоть какое-то подобие спокойствия в голосе, несмотря на леденящий душу страх.

Хищник замер, впиваясь в меня пристальным взглядом. В его глазах, еще недавно излучающих фальшивое приветствие, теперь плясали недобрые огоньки. И мне показалось, что в этом пламени я вижу не только угрозу, но и... какую-то затаенную боль?

– Не думаю, милая, – уверенно проронил он, будто высекая слова. – За ошибки всегда приходится платить.

Его рука, как питон, метнулась к моему запястью, сжимая кость с неумолимой силой. Я дернулась, пытаюсь вырваться

из этого стального капкана, но хватка Бориса была подобна тискам. Паника вцепилась в мое горло, перекрывая доступ кислорода. Мир дрогнул, рассыпаясь на тысячи осколков, и вот я уже беспомощно повисла вниз головой на его плече. Безуспешно извиваясь, я видела, как мы взлетаем вверх по мраморным ступеням лестницы, уносимые вихрем по имени Борис.

Ледяная волна ужаса затопила мое сознание, парализуя волю. Я боялась именно этого, предчувствуя предательство своего тела. Знала, что неумолимое влечение к нему окажется сильнее моего рассудка. Эта первобытная, дразнящая химия всегда искрила между нами, стоило только нашим взглядам встретиться. Его мужское начало подавляло меня, подчиняло себе. Один стремительный кульбит – и я мягко опустилась на шелковые простыни в чужой спальне.

– Я предупреждал тебя, что сделаю, если еще раз услышу это ледяное «вы», – прошептал Борис, срывая через голову свою белую футболку. Обнажился его рельефный торс, мышцы ошеломительно перекачивались под кожей. – Будем учиться близости и доверию, моя королева.

– Пожалуйста, не надо, – хрип вырвался из моего горла. Голос звучал на удивление твердо, но предательская дрожь выдавала меня с головой.

В следующее мгновение он навис над моим дрожащим телом, как хищник над своей добычей. Его губы, властные и требовательные, накрыли мои, увлекая в омут забвения. По-

целуй был нежным, но настойчивым. Казалось, он знал все мои самые сокровенные тайны, все потаенные желания. Я чувствовала, как его тело прижимается все плотнее, твердея, как наше дыхание сливается в единый ритм, как мир вокруг затаил дыхание в ожидании неизбежного.

Медленно, дразняще медленно, он освобождал меня от одежды, обнажая кожу под свои прикосновения. Его пальцы, словно искусные музыканты, скользили по телу, разжигая во мне первобытный огонь. Я замерла в надежде, что он отступит, как делал это прежде...

– Я безумно соскучился по тебе, моя Снежная королева, – прошептал Борис, вдыхая аромат моей кожи на шее. – Можешь и дальше играть в неприступность, но на этот раз ты мне ответишь...

Он смял меня в объятиях, а я упрямо продолжала изображать безразличие. Но каждый трепет кожи в ответ на его прикосновения отзывался всепоглощающими волнами желания, взрывами мурашек. Это была изощренная пытка, но я демонстративно молчала, не желая сдаваться. И тогда он сменил тактику, этого я не ожидала. Его губы коснулись меня там... медленно, дразняще, спускаясь с трепещущего живота в поцелуях к самому сокровенному месту.

Я попыталась сжать колени, но Борис развел их еще шире, и я провалилась в чувственную бездну, теряя связь с реальностью. Сознание помутилось, и я практически не осознавала происходящее. Знала лишь одно – он должен продолжать,

без этого я не смогу... Мелкая дрожь сотрясала тело, веки трепетали, не в силах удержаться, а глаза закатывались от нестерпимого блаженства, когда его губы продолжали творить то запретное, чего я никогда не знала.

Немыслимая нежность и острое, всепоглощающее влечение накрыли меня с головой, и я ощущала его и себя каждой клеткой своего тела. Невероятный взрыв чувственности унес все тревоги, я рассыпалась на тысячи осколков, никогда до этого момента не испытывая ничего подобного. Борис приблизился к моему лицу и жадно обнял, зарываясь руками в мои волосы. Я пыталась собрать воедино обрывки себя, но безуспешно.

– Моя маленькая, голодная девочка, которая упорно не хочет признать, что хорошо ей будет только со мной, – шептал он, покрывая мое лицо хаотичными поцелуями.

Я чувствовала его возбуждение между моих разведенных ног, но не была способна даже открыть глаза. Горячее учащенное дыхание коснулось моего лица, его сильное тело дарило ощущение абсолютной защищенности.

Между нами натянулась звенящая нить, готовая вот-вот лопнуть. И она взорвалась, когда он медленно вошел в меня до упора с какой-то голодной, еле сдерживаемой страстью. Первые медленные движения раскалили кровь, ритм нарастал, каждое глубокое проникновение соединяло нас воедино. И в то же мгновение накал страсти разрядился горячими волнами сокращений, захватывая целиком и насквозь прон-

зая восхитительным наслаждением. С надрывным стоном в упоении я дернулась в его крепких объятиях, но он, рыча, продолжал требовательно удерживать и ласкать меня, не давая утихнуть волнам удовольствия, гуляющим по всему телу. Наконец, я обмякла в его руках.

– Ты моя, София, – хрипло прошептал Борис. – Я в тебе утонул, навсегда.

Его уверенные слова прозвучали как клятва, как приговор, высеченные на скрижалях судьбы. Я молчала, обессиленная и опустошенная, чувствуя его вес на себе, как бремя вины и блаженства одновременно. Тело горело, пронизанное остатками страсти, разум пытался сопротивляться, но его голос был заглушен волной нежности, захлестнувшей меня.

Он отстранился, оставив пустоту, которую я отчаянно пыталась заполнить, цепляясь за взгляд. В его глазах плескалась та же одержимость, что и во мне. Борис нежно провел пальцем по моей щеке, стирая тихую слезу от полученного наслаждения, и прошептал:

– Не убегай больше, малышка. Не от меня, не от себя.

Я не знала, что ему ответить. Слова застревали в горле, как ком, не давая ни выдохнуть, ни заговорить. Впервые за долгое время я позволила себе увидеть его таким, каким он был на самом деле: сильным, властным, но одновременно уязвимым и отчаянно нуждающимся во мне. В этот момент я поняла, что моя игра в равнодушную ледяную королеву не поможет. В этом можно прятаться от любого человека,

но только не от него! Слишком много масок было сорвано, слишком много барьеров разрушено.

Он прижал меня к себе, укутывая в кокон безопасности и тепла. И я, закрыв глаза, утонула в этом... сдаваясь на милость его притяжения, его страсти, его бесконечного желания. В эту минуту я позволила себе поверить, что, возможно, именно здесь, в его объятиях, я смогу найти покой и обрести себя.

С закрытыми глазами я невнятно промычала, когда вдруг ощутила, что Борис не отпустил ситуацию, а его возбуждение вернулось. Невероятно... на этот раз я целовала его сама, уверенно и страстно. Наши губы сплетались в унисон, вырывая у него стон наслаждения. Его руки крепко сжимали мою талию, прижимая все ближе. В каждом тихом вздохе и стоне звучала мелодия реальности этого момента. Жадные движения тел поглощали все, и нас самих в том числе. В голове билось лишь одно желание: утонуть в этом экстазе, забыть обо всем на свете.

Он брал меня долго и жадно, с каждым разом раздувая пламя, сметающее все мои преграды. Я позволила себе раствориться в его объятиях, в нем самом – невыносимо опасном и таком манящем мужчине. Каждый его тихий стон, каждый мой трепет кожи отзывались на наши откровенные касания, пробуждая всепоглощающее желание продолжать. Это было уже не влечение. Это было слияние.

Его сильные руки, будто обезумевшие, метили меня нена-

сытными прикосновениями – то сминая в порыве, то нежно лаская, в каждом движении ревниво присваивая, словно выжигая клеймо на каждом сантиметре моего тела. В безумном танце сменялись положения наших тел. Жажда страсти, разгораясь все ярче, опалила до беспамятства, пока я, обессиленная, не провалилась в сон.

– Доброе утро, – прошептал Борис, сквозь пелену моей дрёмы.

Нежными касаниями он будил, рисуя дорожку на коже, ласково покусывая и тут же осыпая поцелуями позвоночник. Воздух вокруг нас накалялся. Я перевернулась на спину и посмотрела в его глаза, в этот серый омут, затягивающий меня.

– Утро... уже? – прошептала я с удивлением, глядя в окно, откуда наступивший день сообщил о возвращении реальности.

Не отводя взгляда, Борис блуждал руками по моему телу, и глаза его потемнели от пьянящего желания. Но мне было стыдно смотреть на него. Я совершенно не знала, что сказать, и тем более что теперь делать. Зачем я уступила этому опасному мужчине и этим неправильным чувствам? Он же охотник, из тех, кто в деле и ночью, и днем! Не семейный, не домашний, как я. Это опасные люди, опасные чувства...

– Мне нужно к себе, – резко выпалила я, сползая с кровати.

– Нет, теперь ты живешь здесь, – обхватив меня за талию,

возмутился Борис и притянул к себе. – Скажи, что тебя так напугало, что ты так рьяно бросилась от меня бежать?

– Ничего. Просто это все неправильно, – тихо ответила я, застыв в его руках.

– Это потому что ты замужем? – с нарастающей злостью спросил Борис. – Но это я исправлю, как только его найду.

Боже мой, я же, по его мнению, еще и замужем! Мало мне было тайн и непонимания между нами, так еще и это... Вчера я была просто безумной, забыла обо всем, наделала кучу ошибок. Чертова химия между нами совершенно вынесла мне мозг! Да, это именно «химия». В свои двадцать восемь я отчетливо понимаю, что эти чувства, гормоны и все такое – лишь «химия», дарящая влюбленность, но не любовь. Любовь – это когда «химия» дружит с головой, когда ты понимаешь, что, помимо безумного влечения, человек должен в тебе вызывать доверие, уважение, понимание. Быть не только любовником, но и другом, опорой. А этот свободолюбивый хищник явно к таким мужчинам не относится. О чем я вообще думала, когда сдалась на его милость!

– Соня, мне не нравится твое молчание, – недовольно произнес Борис, слегка теребя меня в своих руках. – Что происходит?

– Мне нужно в душ, – единственное, что я смогла придумать в ответ.

– Сейчас все будет сделано, моя королева, – молниеносно ответил Борис и, подхватив меня на руки, встал с постели.

Уже через минуту я стояла под струями теплой воды в его крепких объятиях, но даже здесь я чувствовала лютую стужу в душе. Горячие капли барабанили по коже, а я прислушивалась к его дыханию у моего виска. Теплые, сильные руки сомкнулись вокруг меня, заключая в нежные объятия. Легкий, трепетный поцелуй коснулся плеча, и Борис прижался щекой к моим волосам. Несколько мгновений мы стояли, погруженные в тишину.

– Что теперь будет? – прошептала я, нарушив молчание.

– Будешь моей. И ничего такого, что могло бы тебя расстроить, – весело отозвался он. – Или тебя это не устраивает?

Его руки, обретя дерзкую уверенность, скользнули по моему телу, пробуждая трепетную дрожь. Дыхание участилось, а поцелуи, беспорядочным дождем осыпая плечи, переместились на шею, заставляя запрокинуть голову, обнажая ее навстречу его губам. Он подхватил на руки одним стремительным движением, не отрывая взгляда, прожигающего насквозь, и я, повинувшись порыву, обвила его поясницу ногами, а шею – руками. Наш поцелуй, долгий и глубокий, казалось, бесстыдно проникал в душу.

Медленно опуская меня, он погружался все глубже, продолжая безумие ночи. От немислимого удовольствия моя голова тихо легла на его плечо. Нежно и неспешно, словно уговаривая, он возвращал меня себе. В нашу общую жизнь, чувственную, осязаемую и такую желанную. И эта яркая близость, сотканная из переплетенных тел и прикосновений, ти-

хих стонов, снова сорвала меня с намеченного разумом пути!

Я хотела с ним всего, а мои попытки сопротивления растаяли под натиском страсти. Борис нежно и собственнически целовал мои губы, шею, плечи, объявляя это тело своими владениями, с придыханием повторяя: «моя...». Волны удовольствия накатывали с каждой секундой, и я поняла, что вновь теряю контроль над собой...

ГЛАВА 13

В общей столовой за завтраком я познакомилась с гостьей, обладавшей на редкость милым именем – Шарлотта. Рыжеволосая, точеная, словно статуэтка, с вызывающей искусственной красотой пухлых губ и пышной груди, она без умолку щебетала с Борисом и Алексом, нарочито подчеркивая их близкую дружбу. И если Борис держался абсолютно непринужденно, то Алекс, к моему удивлению, сидел сдержанно, украдкой бросая взгляды на друга.

Я предпочла молча наблюдать за этой троицей, стараясь не выдать, что этой ночью, да и утром, мы с Борисом стали несколько ближе. Ревность не задевала меня ни на грамм, а вот раздражение приходилось скрывать с огромным трудом. Прошлая ночь будто нарочно рвалась из глубин моей памяти, тем больше я старалась изгнать ее из мыслей. Борис, ощущая мое замешательство, одаривал меня наглыми, обжигающими взглядами, от которых щеки вспыхивали предательским румянцем. Казалось, он не просто не стыдился – он готов был во всеуслышание провозгласить, что я – его собственность.

– Лотта, когда ты планируешь вернуть вещи с реставрации? – неожиданно прервал Борис ее жалобы на тропическую жару.

– Ох, милый, как будет готово! Я же знаю, тебе всегда нуж-

но все и сразу, на что бы ты не показал пальцем, – томно промурлыкала она, одарив Бориса взглядом с каким-то извращенным подтекстом. Женщина-мотылек...

– Так когда? – твердо и довольно жестко повторил Борис.

– Через неделю тебя устроит? – неожиданно собранно ответила она, и я впервые увидела в ней серьезную деловую женщину.

– Договорились, – скупно бросил Борис, наливая себе сок.

Закончив завтрак, я решила покинуть эту странную компанию, которую явно связывали крепкие узы. Но стоило мне встать, как тут же последовал уверенный вопрос от Бориса:

– Ты куда?

– Если вы не против, я бы прогулялась, – стараясь придать голосу твердость, я попыталась отвоевать себе немного личного пространства.

– Я составлю тебе компанию, – не терпя возражений, ответил он, тут же поднимаясь из-за стола.

– А можно и мне с вами? А лучше пойдемте к морю! Я так соскучилась по этому дому и всем его прелестям, – мгновенно превратившись в прежнюю кокетку, зашебетала Шарлотта.

– Нет. Вам есть что обсудить с Алексом по поводу следующей партии, – отрезал Борис, беря мою ладонь и выводя за собой. – Дела прежде всего.

Фарс этого завтрака врезался в память, ведь я отчетливо видела, как нога Лотты блуждала по икроножным мышцам

обоих мужчин, периодически меняя партнера. Здесь все было понятно без слов, и оттого еще более отвратительно.

– Я должен тебе объяснить... она – моя бывшая жена, которая давно спит с моим лучшим другом и не только с ним, – тихо произнес Борис, когда мы вышли на улицу.

– Мне это неинтересно, – холодно ответила я, хотя внутри мой мир перевернулся и с грохотом рухнул вниз. – Не думаю, что мне нужно знать подробности.

Борис резко остановился, схватил меня за плечи и долго всматривался в глаза. Видимо, пытаюсь прочесть мои мысли или эмоции.

– Почему ты постоянно возводишь стены между нами? Я только разрушу одну, а ты тут же строишь другую! Зачем?

Что я могла ему сказать? Он был прав. Как объяснить мужчине, что между нами нет и не может быть ничего общего? Тайны... Сплошная стена недомолвок, колоссальная и убийственная. А правда – еще более ошеломляющая. Никакая сексуальная близость не посеет здесь семена доверия, которое в таких условиях просто не может родиться.

– Это не стены. Мы просто из разных миров, – сухо ответила я, что, по сути, было правдой.

– Ну и что? Значит, у нас будет общий мир. Ночью ты этого не поняла? – с болью и обидой спросил Борис. И в этот момент я увидела в его глазах уязвленное мужское самолюбие.

– Секс – это не та дорога, по которой можно долго катить-

ся вместе, – дерзко ответила я, вырывая свои плечи из его рук.

– А мы сейчас это проверим, – неожиданно весело ответил Борис, подхватывая меня на руки. – Я докажу тебе, что ты только моя.

– Отпусти, – прошептала в мужское плечо, не сопротивляясь.

– Никогда, моя ревнивая малышка. Тебе от меня не отделаться, – с надрывным хрипом произнес Борис и, уверенно шагая, понес меня в направлении дальнего домика.

Он стоял особняком, маленький и уютный, как будто выброшенный волной в сторону от всей резиденции. Лишь рокот прибоя нарушал тишину этого уединенного места. Ворвавшись в дом, он усадил меня на массивный деревянный стол, уверенно вторгаясь в мое личное пространство и раздвигая бедра.

– Чтобы меня не беспокоили, пока сам не появлюсь, – грубо отрезал Борис в телефонную трубку, после чего швырнул мобильник куда-то в сторону.

Я смотрела на него расширенными от изумления глазами, пытаюсь осознать стремительность происходящего, власть его слов, уверенность в каждом движении, и конечно продуманность в любой ситуации. Этот мужчина, самоуверенный до головокружения, решал все с такой непоколебимой твердостью, что становилось не страшно, а как-то нереально надежно – только здесь, только рядом с ним.

– Я люблю уединяться ото всех в этом домике, но сдаётся мне, теперь с тобой здесь будет куда интереснее, – тихо прошептал он, оставив едва ощутимый поцелуй на моих губах, удерживая подбородок своими сильными пальцами. – Рассказывай, что тебя тревожит. Вместе мы со всем разберемся. Обещаю.

– Меня тревожит лишь одно – я хочу вернуться домой, – спокойно ответила я, глядя ему в глаза, где в ответ на мои слова вспыхнуло пламя яростного отрицания.

– Что ты там забыла? Своего студентика или муженька-предателя? – с нарастающей злостью прорычал Борис. – София... ?

– Хочешь честно? – дерзко спросила я, бросив вызов его взгляду.

– Между нами всегда должна быть честность, – почти звериным рыком ответил Борис, не отступая, продолжая возвышаться между моих ног и удерживать мой подбородок в своей властной хватке.

– Ты законченный эгоист. Тебе меня не понять, но я все равно скажу, – произнесла я, высвободив свой подбородок из его плена. – Кто я теперь? У меня была жизнь, любимая научная работа, почти готовая к защите, семья... пусть и лживая, как теперь выяснилось, но были друзья, родные! А что есть теперь? Ты держишь меня здесь, как пленницу, и поэтому я не могу вернуть себе свою размеренную, обычную жизнь! Я даже не знаю, почему меня не ищут!

Пока я говорила, видела, как в его глазах бушевала злость, перерастая в ярость, но затем вдруг резко сменившись на какое-то подобие растерянности и даже... улыбки. Борис смотрел на меня, как на диковинку, инопланетянку. Казалось, он был ошеломлен моими словами.

– И это все, что тебя тревожит? – с удивительно красивой улыбкой произнес он. – А я-то уже чего только не надумал!

– Чего надумал? – с удивлением спросила я. – То есть тебе смешно, что меня волнует моя сломанная жизнь, которую я хочу восстановить?

– Милая моя Софьюшка, ты моя женщина. Поняла? А значит, у тебя будет все, чего ты только пожелаешь, – уверенно сообщил мне Борис.

– Значит, я могу вернуться в Москву? – чуть не взлетела я на радостях от такой новости.

– Нет, туда я пока не собираюсь. Но все остальное – в твоём распоряжении, – деловито ответил он, давая понять, что разговор окончен.

– Ты сейчас издеваешься? Там моя жизнь! – попыталась я настоять на своем и тут же осеклась под суровым взглядом Бориса.

– Твоя жизнь – рядом со мной! – почти рыча, произнес он, нависая надо мной.

– Какая же я дура, что поверила... я же приманка. Да? – задумчиво спросила я, вглядываясь в его лицо и ища там самый суровый ответ на самый жестокий вопрос.

– Ты это о чем? – совершенно ошеломленно спросил Борис, и я видела, что это не ложь. Он действительно не понимал, о чем я говорю.

– Ты тогда сказал, что если Стас узнает, что я жива, то захочет закончить начатое. Я подумала, что ты держишь меня здесь в качестве приманки для него, – обескураженная его откровенностью, я выпалила первое, что пришло в голову.

– Глупая, – расхохотался Борис, – да плевать мне на него. Мне не плевать на тебя. Я оберегаю тебя, чтобы он не смог подобраться!

– Но тогда почему? Почему я так важна, что ты вдруг решил оберегать незнакомую женщину? – искреннее недоумение не покидало меня.

Эта внезапная забота, эта собственническая страсть, все это казалось таким нереальным, таким чуждым моей прежней жизни. И уж совершенно были не ясны причины этой опеки. Борис тяжело вздохнул, провел рукой по своим коротким волосам, взъерошивая их, после чего отвернулся, глядя в окно на бескрайние воды. Наконец, он повернулся, и в глубине его взгляда клубилась неприкрытая тоска. Его страх обжигал меня. Голос – хриплый, словно сорванный с цепи шепот – дрогнул:

– Ты не понимаешь, Софьюшка... Дело не в нём. Дело во мне. Ты... Я наткнулся на твои фотографии, копаясь в отчетах, когда решил вытрясти долг из этого прохвоста Стаса. Вынужден был вникнуть, и вдруг... ты. Ты в секунду сорвала

печать с того, что я похоронил под броней цинизма и мерзлостной безразличия. Жажду жить, чувствовать, задышаться полной грудью от самой жизни. Я давно пресытился приторной фальшивой женской красотой. И вдруг – ты, как глоток свежего воздуха. Живая. Лучезарная. Настоящая. Похожая на первый росток весной. А потом Алекс вытащил тебя, почти бездыханную, на палубу моей яхты. В тот миг я... чуть не сдох, понимая, что могу потерять даже это призрачное право – просто видеть тебя. Я не умею говорить красивые слова, малышка. Я привык действовать. Но поверь мне, ты стала единственным, что имеет для меня значение в этом мире.

Его пальцы скользнули вниз, к моему подбородку, нежно приподнимая его. Он склонился и коснулся моих губ легким, осторожным поцелуем. В нем не было ни страсти, ни напора, лишь безграничная нежность и надежда.

В его словах плескалось столько подлинного отчаяния, что мое сердце дрогнуло. Разум кричал о нереальности происходящего. Но что-то внутри, в самой глубине, уже начинало верить. Верить в возможность... чего-то большего. Видимо, это заразное безумие. Возможно, даже роковая ошибка. Но я не могла отрицать, что тоже чувствую это притяжение. Непреодолимую тягу к этому сильному, властному, но такому... раненому зверю.

– Мне... мне нужно время, – все, что прошептала я в ответ.

ГЛАВА 14

Несколько дней я растворялась в этом блаженном состоянии, сотканном из внутреннего покоя и ощущения всеобъемлющей защиты, которую дарило присутствие Бориса. Лишь постоянная смена готовый блюд, источающих дразнящие ароматы, напоминала о том, что этот остров все-таки обитаем.

Просыпаясь с первыми лучами солнца, проскальзывающими сквозь щели деревянных стен и окон, я босиком ступала на теплый пол и выходила навстречу новому дню. В плетеном кресле, с чашкой дымящегося кофе, я становилась свидетельницей пробуждения морской стихии, наблюдая, как темно-синяя глубина сменяется нежной бирюзой рассвета. Птицы рассекали воздух над волнами в поисках завтрака, а вдали, как призрачные видения, проплывали силуэты кораблей, устремленных к своим целям.

Дни текли в блаженной лени: прогулки по шелковистому песку, погружение в пыльные страницы древних книг, доставленных из библиотеки по моей просьбе, неспешные разговоры с Борисом, который каждое утро одаривал меня букетами диковинных цветов и корзинами спелых фруктов. Его присутствие ощущалось даже в его отсутствие. Я чувствовала себя островитянкой, укрывшейся от внешнего мира, от проблем и забот, казавшихся теперь такими далекими, как

отзвуки прошлой жизни.

Однажды, во время отлива, я обнаружила на берегу осьминога, выброшенного на берег разъяренной волной. Беспомощно барахтаясь в мокром песке, он отчаянно пытался вернуться в родную стихию. Долго я колебалась, преодолевая свой страх перед этим скользким существом, прежде чем решилась протянуть руку помощи. Но в мою гуманистическую акцию неожиданно вмешался Борис, безапелляционно заявив, что такими свежими морепродуктами не стоит разбрасываться. Ловким движением он распотрошил несчастное животное, и уже через несколько минут осьминог шипел и шипел на гриле, источая аппетитный аромат. Это было одновременно завораживающе и невыносимо больно: еще мгновение назад он боролся за жизнь в бушующем море, а теперь... превратился в еду. Жестокость, неотъемлемая часть этого мира, предстала передо мной во всей своей неприглядной наготе.

Вечером, сидя на веранде и глядя на догорающий закат, я не могла отделаться от мыслей об осьминоге. Борис, заметив мою задумчивость, присел рядом и обнял за плечи.

– О чем задумалась, моя маленькая женщина? – прошептал он, выдергивая меня из глубин мыслей.

– Жаль мне этого осьминога. Я понимаю, еда... но все же...

– Еда, и никакой другой философии здесь нет, – отрезал Борис. – Иди ко мне.

Его слова не принесли утешения, но в них была правда, обжигающая, как соль на рану. Он притянул меня, усаживая к себе на колени. Горячее мужское дыхание опалило шею, рассеивая последние клочки моих сомнений.

Прикосновения были властными, требующими, словно Борис хотел выжечь из меня жалость и тоску, заполнив собой, своими желаниями. Я отвечала на его ласки с отчаянием утопающего, ища спасение в забвении. В тепле его объятий я забыла об осьминоге, о жестокости мира, о себе. Осталось лишь голое, животное желание.

Я обернулась, и глубокий поцелуй увлек нас в омут страсти, двух изголодавшихся друг по другу людей. Губы Бориса были нежными, но требовательными, знающими все тайны моего тела. Я чувствовала, как его твердая плоть прижимается все теснее между моих ног, как дыхание каждого сливается в одно, как мир вокруг рассыпается на осколки, оставляя только нас двоих.

Он подмял меня под себя, медленно, неотвратно наслаждаясь каждой клеточкой моего тела. Дыхание стало прерывистым, смешиваясь, и создавая мелодию, которую этот мир знал наизусть – мелодию жизни. Освобождая от одежды, он осыпал поцелуями открывшуюся кожу, срывая последнюю преграду с дикой жадностью.

В глазах Бориса бушевало нетерпение, жажда обладания. Его зрачки расширились, когда он уверенно скользнул по внутренней стороне бедер, глубже и медленно заполняя ме-

ня всю до предела, и выдыхая сорвавшееся: «Моя...» Он был готов, и я тоже, о чем шептала влажность между моих разведенных ног. Губы, еще мгновение назад нежно касавшиеся моих, стали дикими, как и его напористые движения внутри, стремясь вырвать из меня все невысказанное, все, что мы хранили. Я отвечала ему тем же, погружаясь в этот водоворот чувств, где не было ни прошлого, ни будущего, только это настоящее, такое реальное.

– Я люблю тебя, Соня, – выдохнул Борис рвано, медленно растягивая удовольствие, уверенными движениями соединяя нас в единое целое.

В этот миг, когда женщина отдана мужчине без остатка, я поняла, что полностью подчинена ему! И наслаждалась его властью, этим драгоценным моментом. Громкий шепот стонов и хрипов неспешно катился вокруг, а моя душа обнажалась по доброй воле. Несколько часов мы сгорали в этом огне, оставив мир позади.

Утро вырвало меня из объятий сна ощущением безграничного счастья. Тропический дом купался в лучах солнца, уже высоко поднявшегося над горизонтом.

Бориса не было рядом. Я накинула легкий халат и вышла из тенистой прохлады домика. На столе ждала тарелка с экзотическими фруктами и чашка холодного ароматного кофе. Волны, лениво накатываясь на берег, нашептывали древнюю песнь о вечном круговороте жизни.

Подняв с теплого песка перламутровую раковину, я при-

ложила её к уху, надеясь услышать голос великой воды, но в ответ мне было лишь эхо собственного дыхания.

Вернувшись, я решила отправиться в главный дом, чтобы погрузиться в мир книг и выбрать для изучения следующую. Его библиотека манила, как сокровищница, полная редких и старинных изданий.

– И долго ты намерен продолжать эту игру с мышкой? – услышала резкий голос Алекса из гостиной в открытое окно, когда я приблизилась к дому.

– Я не играю. Мне с ней действительно хорошо, – задумчиво, даже с какой-то обреченностью, ответил Борис.

– Ври себе сколько угодно, но не мне. Да, в этих простужках есть свое очарование, но они никогда не смогут стать достойной партией, для таких как мы. В твоём мире для нее нет места. Слишком чистая, слишком наивная, слишком... пушистая. Ты же сам это прекрасно понимаешь, – цинично процедил Алекс. – Когда наиграешься, уступи ее мне.

– Не борзей, – рявкнул Борис, обрывая его на полуслове. – Гниду Стаса нашел?

– Нет. Представляешь, будто сквозь землю провалился. Его любовница в полицию заявку подала, там из-за этого теперь такой кипишь! Очень много ментовской суеты! Сначала жена за границей пропала, ну, София наша. А теперь и он сам, как вернулся в Россию. Этот придурок еще и показания успел дать, мол, видел, как Соню на дно затянуло, а он, дескать, не успел помочь. Короче, ее гибель списали

на несчастный случай. Теперь она официально труп. Только этот студент Леонид и ее брат воду мутят, не верят в смерть Сони. И когда все почти улеглось, внезапно пропал этот придурок Стас! Теперь у ментов вопросов – темный лес! Нам к этому делу лучше и близко не подходить, – отрезал Алекс, а меня словно током пробило.

– Завтра мы с Шарлоттой улетим по делам. Дня на два, не больше. Присмотри за ней здесь. И не трогай! Она моя, – твердо отрезал Борис.

– Ладно, понимаю. Ты, мой друг, такой собственник, что пока сам не наиграешься, другому не дашь, – коротко бросил Алекс. – А теперь, может, сыграем в карты?

Этого мне было достаточно. Я оцепенела, прильнув спиной к прохладной стене дома. Сердце бешено колотилось, отбивая панический ритм. Каждое слово, просочившееся из гостиной, вбивалось в меня острым ножом, разрывая в клочья остатки надежды. Райский мираж, кропотливо выстроенный Борисом, рассыпался в прах, обнажив свою гнилую сердцевину. Я не избранная, не любимая. Всего лишь забава, временная прихоть, «простушка» с «пушистостью», которой никогда не будет места в их прогнившем мире.

Не дожидаясь ни секунды, я резко развернулась и бросилась бежать прочь, к домику, спотыкаясь и не видя ничего сквозь пелену слез. В голове билась лихорадочная мысль: бежать отсюда без оглядки, бежать как можно дальше, от этой лжи, от этого человека, которому я опрометчиво доверила

свое сердце. Нужно срочно покинуть остров. Куда угодно, лишь бы не оставаться здесь.

План созрел в моей голове молниеносно. Среди этой занятной компании было лишь одно слабое звено, за которое можно было потянуть – Шарлотта. Нужно было втереться к ней в доверие, окутать лживой дружбой и выкрасть телефон, чтобы позвонить своему спасителю. Только его образ сейчас маячил на горизонте моей надежды – Пашка, друг со студенческой скамьи, гуру подводного мира, который объездил весь мир. Именно он посвятил меня в тайны глубин и всегда оставался верен нашей дружбе, несмотря на годы и расстояния. Он единственный мог помочь мне бежать с этого острова.

Я влетела в домик, захлопнув дверь так, что содрогнулись стены. По спине тек пот, а руки плясали безумную чечётку. Меня всю трясло от разочарования, обиды и злости. Стянув мокрую одежду, надела купальник и невесомую длинную тунику. Собрав волю в кулак, глубоко вдохнула воздух этого отравленного тропического рая и пошла в сторону Шарлотты – играть роль, притворяться наивной куклой, выжидая свой шанс. Босые ноги утопали в белом теплом песке.

Добравшись до импровизированного пляжа, присела рядом с ней, стараясь изобразить непринужденность, хотя внутри бушевал ураган отвращения.

– Привет! Как тебе отдых? – пропела я фальшивую ноту жизнерадостности, чувствуя, как яд лицемерия расплзается

по венам.

Шарлотта лениво приоткрыла сонный глаз, скользнула по мне оценивающим взглядом хищницы и небрежно бросила что-то невнятное. Время утекало сквозь пальцы, как песок. Каждая секунда промедления могла обернуться пленом, или даже смертью. Нужно быть предельно осторожной. Борис и его прихвостни – змеи в человеческом обличье, и я не имела права их недооценивать. Начала плести тончайшую паутину лжи, пытаюсь завоевать доверие Шарлотты, чтобы вырваться из этой золотой клетки и навсегда забыть о Борисе и его грязных играх.

– Борис сказал, что ты его бывшая жена. Каково это – жить с ним? – уверенно выплюнула я вопрос.

– Девочка, а не много ли ты о себе возомнила? Мое место тебе никогда не занять, даже не мечтай. Потешит самолюбие и выбросит, как использованную вещь, – с неприкрытой злобой прошипела Шарлотта. – Такие мужчины, как Борис, не отказывают себе в разнообразии. А знаешь, как ему нравится, когда мы кувыркаемся в постели втроем? Я, Алекс и он!

Меня едва не вывернуло наизнанку от этой картины – три тела, сплетенные в грязном танце похоти. Теперь стало понятно, почему я слышала, как Шарлотта просила Бориса остаться, одновременно предаваясь утехам с Алексом. Отвернувшись к лазурному морю, я была вынуждена еще несколько минут слушать пошлые откровения их грязной жизни, от которых меня тошнило.

– Пойду в тень. Невыносимо жарко. Ты со мной? – проговорила я ключевую фразу, ожидая ответа, как приговора.

– Нет. Я еще часок погреюсь на солнышке. Завтра улетаю домой и хочу напоследок поплавать, – ответила она, отвернувшись от меня.

Главное – я узнала, у меня есть час! Целый час драгоценного времени! Нужно действовать быстро и решительно, чтобы Борис не заметил моего отсутствия. Прокрасться незаметно в главный дом, найти в спальне Шарлотты телефон и молиться всем богам, чтобы Пашка ответил на звонок.

ГЛАВА 15

Собрав воедино осколки ускользающего разума, я крадучись двинулась к главному дому, стараясь раствориться в зелени листвы. Сердце металось в груди, как оглушенная птица в тесной клетке, отчаянно рвущаяся на свободу. Каждый шаг отдавался болезненным уколом в нервах. Моя поимка грозила расплатой. Накажет ли меня Борис? Сомневаюсь. Но второго шанса точно уже не будет.

Прокравшись в дом через заднюю дверь, я тенью скользнула в гостевую спальню Шарлотты на втором этаже. Комната купалась в безжалостном свете полуденного солнца, выставляя напоказ каждую деталь из вещей гостии. В лихорадке поиска я принялась рыться в ее сумке, вытряхивая на шелковое покрывало горы косметики, ярких шарфов и прочей мишуры. И вот, среди этого пестрого хаоса, дрожащие пальцы нащупали его – заветный прямоугольник телефона.

Набирая номер Паши по памяти, шептала каждую цифру, словно беззвучную молитву, моля о том, чтобы он ответил. Гудки тянулись мучительно долго, отсчитывая секунды, как удары погребального колокола. И вдруг, сквозь треск и шипение помех, пробился его родной, суровый голос:

– Слушаю!

– Паша! Это я! Соня! Мне нужна твоя помощь... очень нужна! Я на острове, в плену у людей, которым должен Стас!

Пожалуйста, помоги мне бежать отсюда, – прошептала я, захлебываясь слезами надежды.

– Что за глупые шутки, девушка? – резко оборвал меня друг.

– Паш, это не шутка. Если ты не поможешь, мне конец, – прошептала я в трубку.

– Сонечка, родная моя, это правда ты? – недоверчиво спросил друг.

– Я, Паш, я! Помоги мне, спаси меня! – умоляюще произнесла я.

– Минутку, я засеку координаты, – быстро сказал он мне и отдал кому-то команду определить точку локации.

– Паша, я слышала, что завтра хозяин улетает на вертолете, скорее всего, если ничего не изменится. Мне нужно бежать, пока его не будет, – торопливо проговорила я, надеясь, что он услышит.

– Соня, я знаю это место. Это резиденция Бориса Ежовского. Что ты там делаешь?! – через минуту зарычал мой друг. – Это очень опасный человек!

Коротко и сбивчиво обрисовав ситуацию, я умоляла его приехать. Пашка, верный себе, не задавая лишних вопросов, пообещал сделать все, что в его силах. Он будет ждать меня у северной оконечности острова, в маленькой, укромной бухте, завтра днем. Мне нужно будет добраться туда незамеченной, сквозь тернии своего страха.

С трудом переведя дыхание, я удалила все следы звонка

и вернула телефон на место, тщательно замаскировав свое вторжение. Теперь оставалось самое трудное – выдержать мучительное ожидание, играть дурочку, дожить до назначенного часа и, как призрак, покинуть этот проклятый остров.

Затаив дыхание, я выскользнула из спальни Шарлотты, прислушиваясь к каждому шороху, крадучись как мышь, спасающаяся от когтей хищного кота. Мне казалось, что каждый мой шаг отдается оглушительным эхом в тишине дома, каждая тень казалась подозрительной. Мне необходимо было скрытно вернуться в дальний домик и притвориться, что ничего не произошло. Но чтобы достичь этой цели, предстояло слиться с роскошью этого дома, стать незаметной пылинкой.

Приблизившись к отдельно стоящему домику, я ощутила, как моя тревога отступает, сменяясь ликующим осознанием: моя задумка удалась. Душа рвалась ввысь от предвкушения завтрашней встречи с верным Пашкой, от скорого возвращения в свой мир, где каждый уголок знаком и преданность не знает измены. Но в тот же миг дверь распахнулась, и Борис, как злой рок, возник на пороге, преграждая мне путь. В его глазах застыл немой вопрос: «Где ты была?»

– Соня... – прозвучал его суровый голос, и мир вокруг меня поплыл, теряя свои очертания и, видимо, унося меня в обморок...

– Не понимаю, что должно было случиться, чтобы она так перенервничала, – рокотал Пон в моей голове. – Как можно

было довести девушку до столь мощного нервного истощения? Борис, что ты натворил?

– Да ты в своем уме? Я был с Алексом в главном доме, вернулся – а ее нет. Уже собирался пойти на поиски, распахнул дверь, а тут она... и рухнула без чувств. Я и слова не успел сказать, только на руки поймал, падающую, – отчаянно оправдывался Борис перед своим другом и доктором.

– Времени прошло немного. Возможно, за эти два с половиной месяца она не сумела полностью восстановиться. Необходимо тщательное обследование. У меня есть одно подозрение, которое требует проверки, – задумчиво проронил азиат, погрузившись в глубокие размышления.

– Делай что хочешь, но она должна быть здорова и излучать счастье, – тон Бориса был непреклонен. – Все, что потребуется, будет доставлено сюда.

Откинувшись на подушки, я тщетно пыталась собрать осколки мыслей. Голова гудела, как растревоженный улей. Пон, склонившись над своими бутылочками, колдовал с травяным отваром, а Борис, как изваяние, застыл у окна, погруженный в собственные мысли.

Чувство вины, липкое и удушающее, сдавливало мое горло, смешиваясь с едкой злостью на собственную доверчивость. Но в глубине души зрела решимость: завтра я разорву все эти душные отношения одним махом. Да, я предам его, но после ядовитых слов Бориса он и не заслуживает ничего иного.

Когда Пон вернулся с чашкой травяного чая, я приняла ее с напускной благодарностью и спокойствием. Тепло напитка разлилось по телу, умиряя взбунтовавшиеся нервы и переживания. Обменявшись с другом красноречивым взглядом, Борис приблизился ко мне. В его глазах плескалось беспокойство.

– Что случилось? Кто тебя так перепугал? – спросил он, и в голосе его звучало настойчивое участие.

– Не знаю, Борис. Сама не пойму. Просто... просто дайте мне побыть одной в своей комнате, – я смотрела ему прямо в глаза, стараясь сохранять спокойствие.

– Одна? Что за странные капризы, Соня? Что произошло? – его недоумение было почти осязаемым. Он явно не ожидал такой реакции от меня.

– Я. Хочу. Побыть. Одна, – произнесла я, каждое слово проговаривая с ледяной четкостью. – Или я не имею на это права в твоём доме?

– Имеешь, – сухо бросил Борис и, развернувшись, вышел, оставив меня наедине с доктором.

– Соня, ты должна рассказать ему правду. Он места себе не находит от беспокойства, – тихо произнес Пон, присаживаясь на край кровати. – Я врач и вижу, что тебя терзает что-то большее...

– Мне нечего ему рассказывать, – прошептала я, чувствуя, как предательская влага снова застилает глаза. – Пожалуй-ста, помоги мне вернуться в мою комнату. Я не хочу больше

видеть этот домик на берегу.

Пон ласково взял мою руку в свою, ободряюще сжав хрупкие пальцы. В его бездонных глазах плескалось сочувствие и понимание. Он был единственным человеком, которому я еще могла довериться на этом острове лжи и цинизма, и сейчас, в этой звенящей пустоте обмана, его простая поддержка была для меня бесценным даром.

В спальне меня встретила привычная обстановка: шелковые подушки, белый столик на балконе, вид на тропический сад. Но сейчас все это казалось декорацией к кошмарному спектаклю, где я – главная героиня, загнанная в угол, ожидающая неминуемой развязки. Лежа на кровати, я чувствовала себя марионеткой, чьи нити дергает безжалостный кукловод. Завтра, завтра моя жизнь должна измениться.

Вечер тянулся мучительно долго. Каждый шорох за окном заставлял вздрагивать. Разговор Алекса и Бориса, как заноза, засел в голове. Предательство и насмешка, так и сквозили в каждом их слове.

С наступлением темноты я погрузилась в сон. Сквозь его пелену ощутила прикосновение сильных, но нежных мужских рук. Матрас слегка прогнулся под его тяжестью. Борис коснулся губами моего плеча, обжигая кожу, и одним рывком притянул к себе.

Продолжая спокойно лежать на боку, я оказалась в ловушке не только его рук, но и ног, которые властно обвинили меня. В этом коконе не было места для движения, только чувство-

валось тепло его дыхания у моего затылка. И вдруг тишину наступившей ночи прорезал приглушенный шепот Бориса, как змея скользнула в ухо:

– Спи, моя родная.

За спиной выровнялось его дыхание – ровное, умиротворяющее. Какой же циничный спектакль! «Родная»?! Серьезно?! Тогда не завидую чужим, если для этого хищника, можно так поступать с «родной». Борис уснул, а я, раскрыв глаза, лежала в полном оцепенении, боясь пошевелиться и вглядываясь в темноту.

ГЛАВА 16

Меня вырвало из объятий сна тягучее осознание: за всю ночь мужской плен ничуть не ослаб. Я попыталась незаметно выскользнуть, но тихий, обволакивающий голос Бориса и крепкая хватка дали понять – шансов ноль.

– Нам нужно поговорить.

– О чем? – спокойно отозвалась я, не смея повернуться.

– Соня, вчера что-то произошло. Я должен знать, что именно, – прошептал Борис, его дыхание опалило мою шею. – Сегодня мне необходимо уехать по делам, но я не могу этого сделать, пока не пойму, что с тобой творится.

– Ничего не происходит. Просто чувствую себя неважно, – соврала я, лишь бы он уехал и оставил меня в покое.

Борис приподнялся вверх по подушке на локтях и, притянув меня к себе, уложил мою голову на свое жилистое, упругое плечо.

– Я знаю о твоём разговоре с Шарлоттой, – начал он, и тяжесть его слов повисла в воздухе между нами. – Она не должна была так себя вести. Послушай меня. Мои родители уехали из России в лихие девяностые. Их работа и наука оказались никому не нужны, они не могли найти достойную работу. А в Европе родители нашли свое место в одном из аукционных домов, потому что там ценили специалистов по древностям, от средневековых документов и антикварной мебели

до предметов восточного искусства. Со временем, благодаря их профессионализму, вырос целый конгломерат под руководством головного дома. Множество фирм и маленьких аукционных домов по всему миру. Тогда и была достигнута договоренность о моем браке с Шарлоттой, дочерью основных владельцев, чтобы укрепить позиции нашей семьи в бизнесе. Мне было всего двадцать, и это казалось разумным шагом, ведь я никогда не был влюблен и чувства меня не привлекали. Шарлотта казалась милой девушкой, и я думал, что из нее получится неплохая жена для договорного брака. Мы прожили вместе всего год. Я полностью погрузился в семейный бизнес, возглавил многие направления, ездил по миру в поисках древностей. А Шарлотта... Шарлотта влюбилась в пройдоху, и понеслось... Измены, одна за другой, стали слишком очевидными. Однажды она призналась, что любит мужчин, разных, и не хочет принадлежать только мне. А я, в свою очередь, был этому рад, потому что сам не желал продолжать эти отношения. Мы развелись, но поскольку она хороший специалист, мы продолжили работать вместе. Потом случилась трагедия. В горах разбился вертолет, на котором ее родители и мой отец отправились кататься на лыжах. Весь огромный бизнес рухнул на мои плечи. Я с головой ушел в работу. Коллекционеры со всего мира стали моими лучшими друзьями. Мать довольно быстро вышла замуж за французского аристократа, старого друга моего отца, родила ему сына и обрела титул баронессы. Так я вошел в мир из-

бранных, но всегда и всего добивался сам. А теперь я встретил тебя, и больше не представляю свою жизнь без тебя.

Ошеломленная его исповедью, я молчала. Теперь стало понятно, откуда в нем столько цинизма и эгоизма. Любимая работа и разрушенные семейные узы – вот и все, что у него было в этом мире.

– Мне жаль...

– О чем ты? Все хорошо. Это жизнь, – тихо произнес Борис. – А теперь расскажи мне о себе.

– У меня прекрасная семья, родители и брат, много друзей. И если бы не предательство Стаса, я бы сказала, что моя жизнь удалась, – ответила я, улыбаясь и осознавая, что это действительно правда. Я вполне себе обычный, счастливый человек, если бы не эта история. – Но думаю, что твои шпионы уже это выяснили.

Борис слушал, не перебивая, и в его пристальном взгляде я чувствовала невысказанный вопрос, будто он пытался заглянуть мне в душу. Было жаль его, красивого, сильного, но сломленного какой-то внутренней трагедией, превратившей его в жестокого человека. Преданный однажды, он возвел предательство в норму. Говорить о моих близких было пыткой и счастьем одновременно. Счастьем, потому что они – светлые лучи в моей жизни. Пыткой, потому что тоска по ним разрывала сердце.

– Теперь ты моя, и мы будем жить вместе, – голос Бориса, теплый и твердый, вырвал меня из воспоминаний. – У нас

будет семья. Своя. Мне скоро сорок, и я хочу детей, дом с тобой. Вот никогда не думал, что для меня это станет важно. Видимо, пришло время.

Я опешила, потеряв дар речи. Казалось, еще немного, и я выпалю ему правду, признаюсь, что слышала его разговор с Алексом, что меня тошнит от его лжи. Но в глубине его глаз плескалось какое-то непонятное беспокойство, и... что-то еще, тень страха, отчаяние.

– Борис, я не готова сейчас говорить об этом, – прошептала я, отводя взгляд в сторону.

Он вздохнул с облегчением, не стал давить. Только прижал меня крепче, будто боялся, что я растворюсь в воздухе. Если бы я своими ушами не слышала их разговор, то сейчас обязательно бы растеклась розовой лужицей от его слов. Но нет, я все слышала, и мне этого было достаточно!

– Хорошо, – прошептал Борис в ответ, его голос будто дрожал от еле сдерживаемого волнения. – Но, прошу тебя, не пугай меня так больше. Сердце в пятки уходит, когда думаю, что с тобой что-то может случиться. Мне пора, милая. Или, может, ты все-таки хочешь мне что-то рассказать?

– Все в порядке, – отозвалась я, улавливая скрытый смысл в его словах, этой вкрадчивой интонации. Лишь одна мысль, как навязчивая тень, металась в моем сознании: неужели он как-то узнал о готовящемся побеге?

– Ладно, тогда Пон и Алекс в твоём распоряжении. Что понадобится – проси их. Вернусь через пару дней, – с едва

заметной грустью в голосе произнес Борис и направился к двери.

Из одежды на нем было лишь одно полотенце, обернутое вокруг бедер. Видимо, вчера он пришел в мою спальню напрямую из душа. Прощальный поцелуй Бориса, легкий на щеке, давил тяжестью невысказанных слов, словно печать, скрепляющая молчаливые договоренности.

Он умел держаться так, будто весь мир был ему обязан. Властный, сильный, с безупречно вылепленным спортивным телом, он одним своим появлением внушал трепет и покорность, как альфа в звериной стае. Достаточно было взгляда, чтобы все замерли в ожидании его воли. Но именно эта философия абсолютной власти вызывала бурю протеста и была мне отвратительна по сути.

Я лишь кивнула, не в силах выдавить из себя ни слова. Проводила его долгим задумчивым взглядом. Что тут сказать? Это действительно не мой мир. Нужно бежать отсюда, как можно скорее. Пон и Алекс не спустят с меня глаз. Но это точно не было проблемой, так как я достаточно хорошо изучила режим этого дома.

В памяти всплыл Паша, мой старый друг, бесшабашный авантюрист. На любую безумную затею у него всегда был один ответ – «за», и, что важнее всего, Паша это незабываемый хранитель моих тайн. Я прозвала его Морским Дьяволом – вечно ныряющий в бездну, влекомый призраками затонувших кораблей и жадой адреналина. Именно он, одер-

жимый глубиной, на первом курсе втянул меня в зачарованный мир дайвинга. И вот уже десять лет нас связывает крепкая дружба, скрепленная совместными отпусками в самых разных уголках земли. Я обожала его экспедиции, и просто погружения, когда мы, затаив дыхание, исследовали подводные царства.

Освежившись под душем и облачившись в легкие штаны и футболку, я спустилась на первый этаж, в кухню, предвкушая последние минуты заточения в этом доме. В коридоре нос к носу столкнулась с Поном. Его взгляд, пронзительный и настороженный, словно рентгеном просветил мою душу, выискивая скрытое.

– Все в порядке, Соня? – спросил доктор, нахмутив брови, в которых читалось неподдельное беспокойство.

– Да, все в порядке, – пролепетала я, отводя взгляд. – Просто немного устала.

– Может, тебе что-нибудь приготовить? – тут же предложил Пон.

– Нет, спасибо. Я просто хочу немного отдохнуть. Запрусь в комнате до вечера. Вот иду на кухню разжиться чем-нибудь съестным и завалюсь спать, – стараясь придать голосу непринужденность, выдала я заранее заготовленную ложь. Готовилась к побегу, создавая себе алиби на весь день. – Попроси всех меня не беспокоить.

Самое сложное – выиграть время, убедить их в моей невинности. Хрупкая надежда, едва зародившаяся, теперь

кричала о возможности спасения. Я должна быть сильной, верить, что Паша придет и вырвет меня из этой кошмарной реальности.

Собрав волю в кулак, я вошла в кухню, где Алекс, колдуя над кофеваркой, создавал иллюзию утреннего благополучия. Нужно действовать быстро и решительно. Мой взгляд зацепился за маленький кухонный нож, притулившийся среди прочей утвари. Незаметно стащила его, я ощутила прилив уверенности. Он станет моим талисманом, моим союзником в предстоящем побеге. Сегодня я должна раствориться в тени, ускользнуть из этой золотой клетки и навсегда забыть этот проклятый остров.

– Выглядишь неважно, Соня. Бессонница замучила? – спросил Алекс, бросив на меня странный, тягучий, обволакивающий взгляд.

Его слова хлестнули неожиданной грубостью, как пощечина. Я вздрогнула, пытаюсь скрыть внезапную тревогу. Мысль проскользнула в сознании: неужели он что-то заподозрил? Но в глазах Алекса плескалась лишь непроницаемая тьма. Он протянул мне чашку кофе, и я, ощущая дрожь в пальцах, приняла её.

– Просто не выспалась, – повторила я, отпивая глоток обжигающей жидкости. Горячий напиток опалил горло, но не смог погасить ледяной холод внутри.

– Еще бы! Не знаю ни одной женщины, способной выспаться рядом с Борисом, – дерзко протянул он, окинув ме-

ня хищным взглядом.

Кофе должен был взбодрить и скрыть нервное напряжение, но я едва не подавилась от его слов, которые встали как кость поперек горла.

– Пойду отдыхать. А скажи, Алекс, вы правда предпочитаете заниматься любовью втроем? – я решила, что сейчас как никогда нужна провокация. Маленькая, контролируемая ссора, которая заставит его держаться от меня подальше.

– Шарлотта похвасталась, знаю. Но ведь это и правда занятно. Попробуй как-нибудь. Вдруг тебе тоже понравится, – с лукавой искрой в глазах ответил Алекс.

– А тебе не противно быть вторым? Делить женщину с другим? – нарочито небрежно бросила я.

– Если бы я относился к ней серьезно, то не смог бы делить. А то, что ты называешь «заниматься любовью» – всего лишь приятная и необходимая физическая близость. Не более того. Предложи Борису, и мы вдвоем тебе всё покажем. Уверен, ты останешься довольна, – с оскорбленной гримасой ответил Алекс, начиная свою изощренную месть.

– Прости, но нет. Я не ханжа, но великая собственница, – с натянутой улыбкой ответила я, осушая чашку. – Я, конечно, люблю потертые временем книги, но не выношу потертых чувств.

Тихо проскользнув мимо Алекса, я направилась к выходу из кухни, крепко сжимая в кармане штанов маленький нож. В голове пульсировала одна мысль: бежать. Бежать как мож-

но дальше от этого дома, от этих людей, от этого острова, который стал для меня капканом.

– Я запомню твои слова, мелкая заноза, – горечь в голосе Алекса плеснула мне в спину. – Придет время, и ты еще вспомнишь о моем предложении.

– Сделай милость, оставь меня в покое, – бросила я через плечо, не останавливаясь.

Сейчас или никогда. Нарочито громко поднявшись на второй этаж, я демонстративно хлопнула дверью своей комнаты и замерла, чутко прислушиваясь. Вот оно, долгожданное мгновение: Пон и Алекс направились к морю. Крадучись, как вор, я скользнула к задней двери, ведущей в сад. Дверь, будто прощаясь со мной, жалобно скрипнула, пропуская меня вперед. Вокруг царила тишина. Лишь двое слуг возились в хозяйственном блоке. Осторожно, стараясь не дышать, я покинула сначала дом, затем утопающий в зелени сад, окружавший резиденцию. И вот, наконец, навсегда скрылась из виду моя бывшая «тюрьма».

ГЛАВА 17

Осторожно пробираясь сквозь тропический лес и пальмы, переплетенные лианы и колючие кустарники, я с помощью ножа кралась к северу острова. Каждый мой шаг, казалось, отдавался гулким эхом в тишине этого пространства, напоминая о хрупкости моего положения.

Небольшой остров дышал опасностью, и страх заблудиться или наткнуться на дикого зверя сковывал движения. Но я шла, цепляясь за мысль о нём, о Пашке, маяке моей надежды в этом мире. Должна. Обязана. Любой ценой.

От напряжения и бега дыхание участилось. Наконец, сквозь изумрудную завесу листвы, блеснула долгожданная бухта. Сердце встрепенулось от радости в груди. Мольба застыла на губах: «Это он... пожалуйста, пусть это будет он». Глубокий вдох, и я шагнула на открытое место, где на сонных волнах покачивался мой друг, в полном снаряжении для погружения.

– Пашка! – сорвалось у меня хриплым шепотом, словно криком из самой души.

Он обернулся мгновенно. Его лицо, изъеденное солнцем и исхлестанное ветром, расцвело долгожданной, такой родной улыбкой. Паша, насколько это было возможно в воде, бросился ко мне, а я к нему, спотыкаясь на мокром песке.

– Я знал! Чувствовал! Стас твердил – несчастный случай,

погружение... Бред! Я знал, что ты не погибла! Но где тебя искать, не знал. Каждый день подышал, думая о тебе, – выдохнул он, сжимая меня в объятиях так крепко, что казалось, мои кости хрустят.

Объятия вызвали бурю слез – освобождения, облегчения. Слезы свободы. Мы стояли, вцепившись друг в друга, будто боялись, что это лишь мираж, сон наяву. Но нет... вот она, реальность. Я вырвалась из этой проклятой золотой клетки, на свободу.

– Паш... он... Стас хотел меня убить, ударил и сбросил в воду, – прошептала я, и дрожь пробежала по телу, – и я теперь боюсь глубины... боюсь плавать...

– Другого пути нет, родная моя. К острову не подойти незамеченным. Уходим тихо, как шпионы, через глубину. Поняла? Акваланг надень. Идем, я буду рядом. Ничего не бойся, – ответил он, а в его голосе звучала такая уверенность, такая всепоглощающая сила, что мой страх дрогнул. – Нас ждет катер.

Он помог мне облачиться в снаряжение, и мы вошли в воду. Последние воспоминания о морской глубине и моей крови, как спрут, оплетали меня, резали, сковывали движения. Но его взгляд, полный нежности и решимости, тащил вперед. Я – песчинка перед этой стихией, но знала: Паша не даст мне утонуть. И мы погрузились. Судорожно вцепившись в его руку, я почувствовала ответное сжатие. «Я здесь», – говорили его пальцы. «Я здесь». И я поверила.

Медленно, осторожно, как призраки, мы скользили в изумрудной тьме, включив моторы на подводных буксировщиках. И с каждым метром я ощущала, как страх отступает. Паника таяла, уступая место адреналину, опьяняющей жажде бегства.

Кораллы, морские глубины, причудливые разноцветные рыбы – подводное царство раскрывалось перед нами во всем своем великолепии, завораживало, отвлекало. Совсем рядом проплыла стая темных скатов, их плавные взмахи напоминали величественное приветствие. Я смотрела на этих свободных и прекрасных созданий, пытаюсь убедить себя, что отныне и я обрела желанную свободу. Я забыла о золотой клетке, о предательстве, о страхе. Только мы, только глубина, только надежда.

И вот, на поверхности воды, появился расплывчатый силуэт катера. Мое сердце зашлось от радости. Почти у цели. Толчок в спину – Пашка, и вот меня уже тянут на борт. Сорвав маску, я жадно вдохнула соленый воздух свободы. Свобода... Какое пьянящее слово! Пашка обнял меня, прижал к себе, дрожащую и очнувшуюся от кошмара.

– Теперь все будет хорошо, родная, – прошептал он, и я утонула в этом шепоте.

– Спасибо тебе, – тихо ответила я, прижимаясь к нему как к последнему щиту.

Мы уходили от острова на полном ходу, оставляя позади прошлое этих тяжелых месяцев. Он медленно таял в дымке

горизонта, унося с собой осколки воспоминаний и мое разбитое сердце. Впереди ждала новая жизнь, и я знала одно: больше никому не позволю играть с моими чувствами.

Солнце ласково касалось лица, обжигая кожу, совсем не так, как обжигала душу память. Я сидела на палубе, и смотрела, как волны играют с лучами света. Пашка стоял у штурвала, его силуэт четко вырисовывался на фоне бескрайнего моря. Он иногда бросал на меня быстрые взгляды, полные тепла и заботы. Я знала, ему тоже нелегко. Он столько пережил из-за меня, так рисковал.

– Значит, ты знаком с этим Борисом? – спросила я, не отрывая взгляда от ускользающей линии горизонта.

– Пересекаемся по делам, изредка, – сдержанно ответил Паша, и в голосе его прорезалось раздражение. – Но то, что он выкинул с тобой... это уже перебор. Сначала я подумал – дурацкая шутка, розыгрыш. Но когда увидел координаты резиденции Ежовского, у меня похолодело внутри. Здесь, на этом острове, никто не станет играть в такие игры. Тогда до меня и дошло, что у тебя настоящие проблемы.

– Он настолько опасен? – с любопытством в голосе спросила я.

– У него есть правая рука, старый друг, Александр Гельман. Вот он – настоящая головная боль. Борис, конечно, тоже не подарок, но он скорее стратег, мозг их бизнеса, а Алекс – силовой блок, решает вопросы радикально, – объяснил Паша. – Я бы не советовал никому переходить им дорогу. Стас

– идиот, что связался с ними. Да, в их руках сосредоточена огромная власть и возможности, но настолько же они и опасны.

– Они сказали, Стас пропал, как только вернулся в Россию. Бросил меня здесь, думал, утопил...

– Я тоже слышал, что он исчез. Куда – не знаю. Но теперь ему лучше не попадаться мне на глаза, – процедил Паша сквозь стиснутые зубы, в его взгляде сверкнула ярость. – Мне плевать, какие у него были причины, но он не имел права поднимать на тебя руку. Ты же... как дитя, нежная, наивная, честная, верная, а он, мразь, такое задумал. Сам убью, если встречу.

Я промолчала, не стала говорить ему, что он никогда больше не увидит Стаса. Судя по моему видению и тому, что я успела прочесть в летописях библиотеки Бориса, Стас навечно останется в кургане, в той древней могиле. Теперь это и его могила. А я лучше буду молчать, чем меня примут за сумасшедшую.

– Паш, тогда мне лучше на какое-то время скрыться, но я должна вернуться обратно в Россию. Я должна восстановить остатки моей прежней жизни? – прошептала я, озвучивая то, о чём отчаянно молила небеса, но не зная, как это сделать.

– У меня есть знакомый человек в Следственном комитете. Он профи, чует правду за версту. Поедем к нему. Выложишь всё как на духу, а дальше я найду тебе тихую гавань. Он вытащит тебя из могилы, документы восстановит, возро-

дишься как феникс. На брата доверенность оформишь, пусть присмотрит за хозяйством, пока ты в тени. Тебе сейчас спрятаться – важнее всего, – отрезал Пашка, не допуская тени сомнения.

– Спасибо, – прошелестела я, склонив голову, подступающая дурнота скручивала внутренности в тугой узел.

– Соня, а теперь скажи мне правду. Что этот Борис требовал от тебя? Зачем держал взаперти почти три месяца? – спросил друг, в его голосе звучала тёплая забота, смешанная со стальной строгостью.

– Делал из меня свою игрушку, – обреченно вздохнула я, выпуская на волю горькую правду.

– Вот же ублюдок, – прошипел Паша сквозь стиснутые зубы.

Дальнейший наш путь пролегал в тягостном молчании. Я видела, как желваки судорожно плясали на его скулах, а побелевшие пальцы мертвой хваткой вцепились в руль. Солнце продолжало пригревать, но душевный холод сковал меня изнутри. Слова Паши о Борисе Ежовском и Александре Гельмане звучали как приговор. Я понимала, что попала в жернова огромной, безжалостной машины глобального масштаба, и вырваться из нее будет невероятно сложно.

Помню, как впервые увидела библиотеку Бориса. Меня поразило собрание древних фолиантов, манускриптов, карт – сокровищница знаний, скрытая от посторонних глаз. Он гордился своей коллекцией, как ребенок игрушками. Позво-

лял читать, изучать, но всегда был рядом, контролируя каждый мой шаг. Он словно плел сеть вокруг меня, медленно, методично, лишая воли и свободы. Зачем ему все это было нужно? Я не понимала, не могла понять.

Катер рассекал волны, унося нас все дальше от острова. Ветер усилился, море заиграло новыми красками. Паша взглянул на меня, в его глазах читалось беспокойство. Он понимал, что воспоминания терзают меня, не дают покоя. Друг ничего не говорил, просто был рядом, готовый поддержать, помочь. Я знала, что он не оставит меня в беде, что будет моей опорой в этом мире, где мне еще предстоит постараться выжить.

ГЛАВА 18

Миновала череда томительных дней, и вот, наконец, я ступила на московскую землю, спустившись по трапу частного самолета. У подножия ждал молчаливый мужчина с суровым взглядом. При моем появлении он лишь вскинул густые брови, словно увидел призрака.

– Вот ведь как бывает, – проронил он скупое и недоверчивое. – Значит, и с того света возвращаются.

Несколько дней меня держали в тихом, незаметном служебном домике, находящемся в лесной глуши. Паша, как моя тень, неотступно следовал за мной. После бесконечной вереницы допросов, после того, как я рассказала историю о Стасе, о его подлом друге и их чудовищном замысле, мне восстановили документы, будто возвращая украденную жизнь.

Мы с Пашей сплели надежную полуправду, объясняя, что память вернулась ко мне лишь недавно, что добрые самари-тяне помогли связаться с ним, не дали погибнуть в чужой стране. Мы выдумали трогательную сказку о том, как меня, израненную и больную, нашли простые тайские жители и выхаживали, как родную.

Преступление Стаса заклеямили банальной жадностью, нежеланием официально оформить развод и делиться совместно нажитым имуществом. И, разумеется, мы хранили

полное молчание об острове Ежевского. Этот кошмар остался похороненным в самых темных глубинах нашей памяти.

На прежнюю работу я возвращаться не стала – нужно было залечь на дно, как выразился Паша. Поэтому он отвез меня в загородный дом своих родителей, коренных москвичей в невесть каком поколении. Здесь меня встретили с теплом и радушием. Его отца, знаменитого профессора Дорохова, я помнила еще по научным конференциям, где он блистал своей эрудицией. Мама же оказалась воплощением домашнего очага – нежная, добрая женщина, лелеющая мужа и обожающая сына. И все это – под мудрым, проницательным взглядом настоящей хранительницы семейного тепла.

Однажды утром, после чая с ароматными блинами, меня скрутило в тугой узел. Резкая тошнота подступила внезапно, заставив пулей вылететь в ванную комнату. Меня выворачивало наизнанку, а изнуряющая слабость растекалась по всему телу, парализуя волю. Мама Паши, всполошенная недобрым шумом, вихрем ворвалась в мою комнату. В её глазах, мудрых и понимающих, мгновенно отразилась вся картина.

Беременность. Слово грянуло громом с ясного неба, меня оглушило, повергло в оцепенение. После пережитого я и думать забыла о такой возможности. В сознании тут же всплыло надменное лицо Бориса, и новая волна тошноты скрутила меня в бараний рог. Не может быть! Столько лет тщетных попыток с мужем, изнуряющих мечтаний о ребенке, и вот, пожалуйста, в лапах этого циника – получайте, распишитесь!

Мысли о беременности заполонили все мое существо. После визита к гинекологу и УЗИ, срок подтвердился – шесть недель. Об аборте даже мысль была кошунством. Это будет только мой ребенок, мой долгожданный, выстраданный малыш, вымоленный у судьбы.

Видя мою подавленность, Паша метался по комнате неприкаянной тенью, терзаемый мучительным осознанием неизбежного. Я же молчала, раздавленная произошедшим. Мы оба понимали: с острова он вывез не только меня, но и крохотную жизнь, едва уловимо пульсирующую под моим сердцем – ребенка от Бориса Ежевского.

На следующий день, собравшись с последними каплями мужества, я объяснила Паше, что теперь в моей жизни появилась еще одна тайна, еще один тяжкий камень, который мне придется нести на плечах, тщательно оберегая от Бориса Ежевского. И он, Паша, тоже должен стать хранителем этой тайны, верным стражем моего секрета.

Пашка, святая душа, искренне считал, что украсть ребенка у отца – последнее дело. И мне пришлось излить ему всю горечь пережитого, рассказать о циничном предложении Алекса, о распущенных нравах, царящих в том доме. Он слушал, молча, как гранитная скала, впитывая каждое мое слово. Мы долго спорили, до хрипоты. Но, обсудив все до мельчайших деталей, пришли к единому, горькому выводу: такие пресыщенные, циничные люди ничего, кроме разочарования, этому ребенку не принесут. Испорченные деньгами

и властью, они и малыша заразят этой гнилью, отравят его душу.

К ночи, словно ураган, ворвался Дима, мой любимый брат, и с порога обрушил на меня шквал его возмущения, грозящий снести все на своем пути:

– Соня, кто такой этот Борис Ежевский?! Явился к родителям со своей свитой горилл, и потребовал выдать тебя, как будто ты беглая каторжница! Естественно, мы сказали, что понятия не имеем, где ты опять потерялась. Но зато этот тип теперь в курсе, что твое имя вновь всплыло в мире живых. Так это он тебя удерживал в своем доме? Я правильно понимаю всю эту галиматью?

– Да, Дим. Вы сказали ему то, о чём мы договаривались? Что я уехала с любимым мужчиной и попросила всех оставить меня в покое, не искать? – с тревогой прошептала я, чувствуя, как в груди замирает сердце.

– Ещё как! Видела бы ты, как его надменное лицо перекосило от этой «романтической» новости. Мне казалось, еще секунда, и он взлетит в космос без всякой ракеты, на одной только силе своего гнева. Этот Ежевский – псих ненормальный. Высокомерный, надменный тип. Орал, как будто ему на живую сердце вырезают. Ну, значит, я не зря влепил ему от души, раз этот придурок тебя в плену держал. Вот еще бы муженька твоего бывшего поймать, и я бы считал, что мы окончательно в расчете, – самодовольно заключил мой бесстрашный младший брат.

Я хотела, чтобы Борис поверил, что в моей жизни есть тот, с кем я хочу разделить свою судьбу, строить будущее. Мне казалось, что такого самовлюбленного эгоиста эта новость отвратит от дальнейших поисков, избавит меня от необходимости вечно скрываться, и жить в тени. Тогда я смогу вернуться к себе, к нормальной жизни, к любимой работе, больше не прячась, будто загнанный зверь. О моей беременности ему явно неизвестно. Да и, зная, едва ли бы он стал искать. Хотя... Именно поэтому я и разыграла этот спектакль с внезапным исчезновением и тайным возлюбленным – чтобы он отпустил меня на волю, стер из памяти, а я смогла начать все с чистого листа, вытравить из души яд прошлого.

– Тут два варианта: либо он действительно вычеркнет тебя из своей жизни, как досадную ошибку, потому что эта новость, как видно, больно задела его непомерное самолюбие. Либо, напротив, Ежовский превратится в неукротимого зверя, одержимого жадой мести, и начнет жестокую охоту. И пока я склоняюсь ко второму, – заключил Паша, прищурив глаза, в которых мелькнула сталь. – В любом случае тебе необходимо исчезнуть. Скрыться на несколько лет, залечь на дно.

Пашины слова болезненным эхом отозвались в моей голове, пронзая холодом позвоночник. Оба сценария казались равнозначно кошмарными, каждый – по-своему. Я с отчетливой ясностью представила Бориса, его надменное лицо, искаженное яростью собственника, лишившегося любимой

игрушки, и невольно поежилась. А что, если он решит, что моя «любовь» – всего лишь дерзкий вызов, способ унижить его, посягнуть на то, что он считает принадлежащим ему по праву сильного? Мысли, как обезумевшие искры, метались в голове, лишая меня покоя. Я чувствовала себя загнанной в угол жертвой.

Обсудив все детали и передав управление своим небольшим имуществом под надежное крыло брата, мы расстались поздно ночью. А утром, еле заставив себя подняться с постели, я нашла Пашу, уже вовсю хлопчущего на кухне, и увидела собранные чемоданы, как безмолвное подтверждение неизбежности. Заметив меня, он ободряюще улыбнулся и протянул чашку обжигающего чая.

– Завтракаем на скорую руку и уезжаем. На первое время я снял дом в Сочи. Там затеряться будет проще всего. В маленькие городишки соваться нельзя, ты и так будешь привлекать внимание, а тебе нужен мягкий климат, чтобы спокойно доносить беременность, – проговорил он тихо, но в его голосе звучала непоколебимая уверенность. Этот простой жест заботы, эти немногословные фразы, почему-то вдохнули в меня новые силы.

На следующий день сочинское утро встретило нас ласковым солнцем и терпким запахом моря, когда на Пашкином автомобиле мы въехали в этот южный город, утопающий в зелени. Дом, который он снял, оказался укромным гнездышком на самой окраине, в тихом переулке, словно спрятанном

от посторонних глаз. Я впервые за долгое время ощутила зыбкое чувство безопасности. Паша был рядом, мой надежный оплот, всегда готовый поддержать и защитить. Он превратился в моего ангела-хранителя, оберегающего от всех опасностей этого мира.

Моя жизнь обрела долгожданное, тягучее спокойствие. Месяцы текли неспешно, как ленивые морские волны, неустанно накатывающие на берег. Я бродила по набережной, жадно вдыхая солоноватый воздух, уносящий прочь тревоги дня. В тиши кабинета предавалась чтению, погружаясь в пыльные страницы своих научных трудов.

Но более всего меня захватили сновидения, таинственные и завораживающие. Каждое из них начиналось с яркого, изумрудного луча, пронзающего непроглядную тьму, а затем перед моим внутренним взором разворачивалось полотно красочных или монохромных видений, похожих на ожившие кадры старых кинолент.

Они уносили меня вглубь тысячелетий, показывая картины давно канувших в историю цивилизаций, эпические битвы и ошеломительные триумфы, быт и уклад жизни народов. И что поразительно – часть этих сюжетов я уже встречала на пожелтевших страницах древних летописей, в то время как другая была абсолютно непостижимой, невиданной новизной. Луч, словно указующий перст судьбы, прочерчивал на невидимой карте загадочные координаты, приближался, и передо мной разворачивался фильм о событиях древно-

сти, увиденный в мельчайших, ошеломляющих деталях. Затем мне оставалось лишь запечатлеть образы на холсте, создавая эскизы, навеянные странными снами.

Я просыпалась в холодном поту, с бешено колотящимся сердцем, отчаянно пытаюсь удержать ускользающие обрывки видений. В голове роились призрачные образы: величественные каменные храмы, торжественные процессии жрецов, танцующие силуэты у пылающих костров... С каждым новым сном детали становились все более четкими, а чувство моей причастности – все сильнее. Словно я не просто была сторонним наблюдателем, а проживала эти события, была неотъемлемой частью той далекой эпохи. И постепенно, эскиз за эскизом, начала вырисовываться общая картина – цивилизация, тесно связанная с поклонением солнцу и некой древней, могущественной силе.

Паша, видя мое увлечение, лишь загадочно улыбался и приговаривал:

– Творчество – лучшая терапия, дорогая. Главное, чтобы эти сны тебя не изматывали, и ты смогла выносить здорового ребенка.

Но я чувствовала, что это не просто сны, а нечто гораздо большее, некий ключ к разгадке, который я обязана найти. Интуиция отчаянно шептала, что за этими видениями скрывается нечто, имеющее непосредственное отношение ко мне, к моему будущему. Эта мысль одновременно и пугала, и манила.

Однажды, увлеченно просматривая свою законченную научную работу, я с ужасом осознала, что в ней зияют огромные пробелы и несоответствия по сравнению с тем, что я видела в своих снах, и общепринятыми историческими данными. Особенно поразило изображение места, которое я отчетливо видела во сне – горный перевал, увенчанный древней крепостью, где, по всей видимости, располагалась столица той загадочной цивилизации.

Навязчивая мысль сверлила мозг: неужели это не просто игра разбушевавшегося воображения, а вполне реальное место? Я поделилась своими догадками с Пашей, и мы решили, что он перенесет древние координаты в свою сложную компьютерную программу. Мы были изумлены, когда поняли, что это место сейчас находится на дне морском, и многие древние источники намекают на него как на место, где процветала древняя, могущественная цивилизация.

В ту ночь мне приснился другой сон. Как будто я сама отправилась в далекое путешествие по сложной и изнурительной дороге, но я продолжала идти вперед, движимая невидимой силой. И вот, наконец, передо мной открылись величественные руины той самой крепости, безмолвно покоящейся в морской пучине. Камни дышали древностью, были пропитаны духом минувших эпох. Я прикоснулась к шершавой поверхности кладки, и меня словно пронзило электрическим током. В голове вспыхнули яркие, красочные образы – таинственные ритуалы, кровавые жертвоприношения, исступ-

ленные лица жрецов... Я внезапно почувствовала себя частью этого места, частью его трагической истории.

В этот момент меня осенило: мои сны – не просто причудливая игра воображения, а самая настоящая связь с прошлым. Связь с чем-то, что терпеливо ждет своего часа, чтобы раскрыться миру. И я должна стать проводником этой древней тайны, связующим звеном между прошлым и будущим. Зеленоватый луч вспыхнул с новой силой и, казалось, одобрил мои выводы.

Утром я передала другу оставшиеся, наиболее точные данные, и он, собрав необходимое оборудование, незамедлительно отправился в экспедицию. Это, конечно, было почти гаданием на кофейной гуще, но я чувствовала, что за эти месяцы мой друг-авантюрист заскучал, оберегая меня. В его глазах читалась жажда приключений, тоска по ветру странствий и морским глубинам.

ГЛАВА 19

Что движет учеными, искателями? Неистовая, почти иступленная любовь к своему делу, к знаниям, к открытиям, всепоглощающая, ненасытная жажда познания мироздания – до тебя, при тебе, после тебя... Так и мы с Пашей, словно одержимые, месяцами висели на своих телефонах, споря до хрипоты, обсуждая, почему упрямые координаты раз за разом предательски уводят его в никуда, в бездну морских глубин.

– Соня, послушай, солнце мое, нам скоро рожать. Я возвращаюсь, – твердил он почти в каждом звонке, и в голосе сквозила тоска по дому, по теплу, по нашей общей жизни, на время отодвинутой на задний план.

– Нет, Паша, потерпи. Ты уже у самой цели, я чувствую это, – отвечала, словно заклинание шептала, пытаюсь остановить его.

– Откуда ты это берешь? Из глубин подсознания? Я получил истинное наслаждение от этой безумной одиссеи, но пора возвращаться, Соня. Пора, – спорил мой друг, и я слышала, как в его голосе нарастает тревога – страх опоздать к самому важному событию в моей жизни.

– Считай это интуицией ученого, шестым чувством. Ищи, Паша! Я уверена, что эти координаты – ключ. Ключ к невероятному, – отвечала я с нарастающим раздражением, пони-

мая, что время неумолимо тает.

– Если они верны, то почему там лишь нагромождение подводных скал? Там нет никакого входа в крепость! Ты понимаешь это, упрямица? Я трижды излазил каждый камень, Соня! – возмущался друг, едва сдерживая праведный гнев. – Я возвращаюсь!

– Подожди! Стой! Я поняла! Там же была странная темная дыра вдалеке от точки локации. Ты ее видел? Это может быть вход в крепость через грот, обрушившийся за тысячелетия, – осенило меня вдруг, словно молния пронзила сознание.

Паша замолчал на другом конце связи, и тишина повисла между нами, густая и вязкая, как морская пучина. Лишь редкие потрески помех пронзали ее, как крики чаек над бушующим морем. Я чувствовала, как ему отчаянно хочется бросить вызов судьбе, как манит его неизведанное, как азарт исследователя, живущий в каждой клетке его мозга, берет верх над здравым смыслом.

– Хорошо, Соня, я поищу этот проклятый грот. Но если и там окажутся лишь камни, я разворачиваюсь и еду к тебе. Обещаю, – наконец произнес он. В голосе его звучала усталость, смешанная с отблесками надежды.

Дни ожидания тянулись мучительно долго, превратившись в бесконечную вереницу бесцветных часов. Я не находила себе места, слоняясь по дому, как тень, то и дело поглядывая на телефон, ожидая от него чуда. Сны стали ярче, детальнее, почти осязаемыми. Они пытались мне что-то до-

нести, предостеречь. В одном из них я увидела Пашу, стоящего в полумраке огромного зала наполовину заполненного морской водой, чьи стены были исписаны письменами. В глубине зала покоились каменные и металлические таблички, хранящие вековые тайны. Он держал в руках какой-то предмет, отчетливо напоминающий печать, и смотрел на меня с выражением благоговейного изумления.

Наконец, раздался долгожданный звонок, разорвавший тишину, как выстрел. В голосе Паши звучало нескрываемое волнение, граничащее с шоком, голос дрожал от переизбытка чувств.

– Соня... Ты была права! Я нашел ее! Крепость существует! И этот грот... он ведет прямо в сердце затонувшего города! Здесь такое... Такое... Невозможно передать словами! – он задыхался, словно вынырнул из глубины морской. – Я собираю видеоматериалы и самые ценные находки! Вызываю отца, пусть он связывается с властями, начнем исследования! Необходимо все тщательно задокументировать. Это следы древней, невероятно древней цивилизации. Сонечка, мы сделали это! Ты совершила невозможное!

– Паша, послушай сейчас меня внимательно. Ты нашел печать? – спросила я, затаив дыхание, надеясь, что мои сны – не просто плод воображения.

– Да. Откуда ты знаешь? – ошеломленно выдохнул мой друг.

– Эту печать ты должен спрятать и привезти мне. Никто

не должен знать, что ты ее нашел. С остальным поступай как знаешь, но мою научную работу включи в группу, – быстро произнесла я, чувствуя, как внутри нарастает тревога и осознание того, что я, кажется, начинаю понимать предназначение этой печати.

В трубке повисла тишина. Я слышала лишь его прерывистое дыхание. Казалось, он пытается переварить услышанное, пытается понять смысл моих слов. Его молчание давило, как толща воды над затонувшим городом.

– Соня, ты меня пугаешь. Откуда такие знания? И зачем прятать находку? Это же сенсация, открытие века! – наконец произнес он, и в его голосе звучали нотки недоверия, подозрительности.

– Паша, прошу, поверь мне, я знаю, что говорю. Эта печать... я не могу... потом расскажу... Доверься моей интуиции, своему чутью. Если мы передадим ее в руки властей, она затеряется в пыльных архивах, будет украдена алчными дельцами, а ее истинное предназначение никогда не будет раскрыто. Пожалуйста, сделай это для меня.

Я чувствовала его колебания, словно ощущала малейшие вибрации души. Он – ученый, исследователь, посвятивший жизнь поиску истины, и ему невероятно трудно было смириться с необходимостью утаивания столь значимого артефакта. Но наша дружба, месяцы совместных исследований, переплетенные мечты и, возможно, предчувствие чего-то большего, склонили чашу весов в мою сторону.

– Хорошо, Соня. Я тебя услышал. Печать будет у тебя. Но помни, если это как-то навредит тебе или нашему ребенку, я этого не прощу, даже тебе, – ответил он, и в его голосе звучала твердость.

Я выдохнула с облегчением. Первый, самый сложный шаг был сделан. Теперь оставалось лишь дожидаться Пашу и разгадать тайну древней печати, которую так жаждал заполучить Вечный Камень.

ГЛАВА 20

Уже четвертый год мир науки гудел, обсуждая величайшее открытие, подобное всплывшей из морской пучины легенде – найденная нами столица исчезнувшей древней цивилизации. А я, как в тихой заводи под тенью Паши, растила сына Глеба, пока весь научный мир рукоплескал моей работе. Кандидатская, признанная прорывом, стала трамплином к докторской степени, полученной всего за год.

В постоянной работе время летело незаметно, Глеб рос любознательным и смышленным ребенком, впитывая знания как губка. Павел часто приезжал к нам, увлеченно рассказывая о новых открытиях в затонувшем городе. Он старался не упоминать о печати,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.